

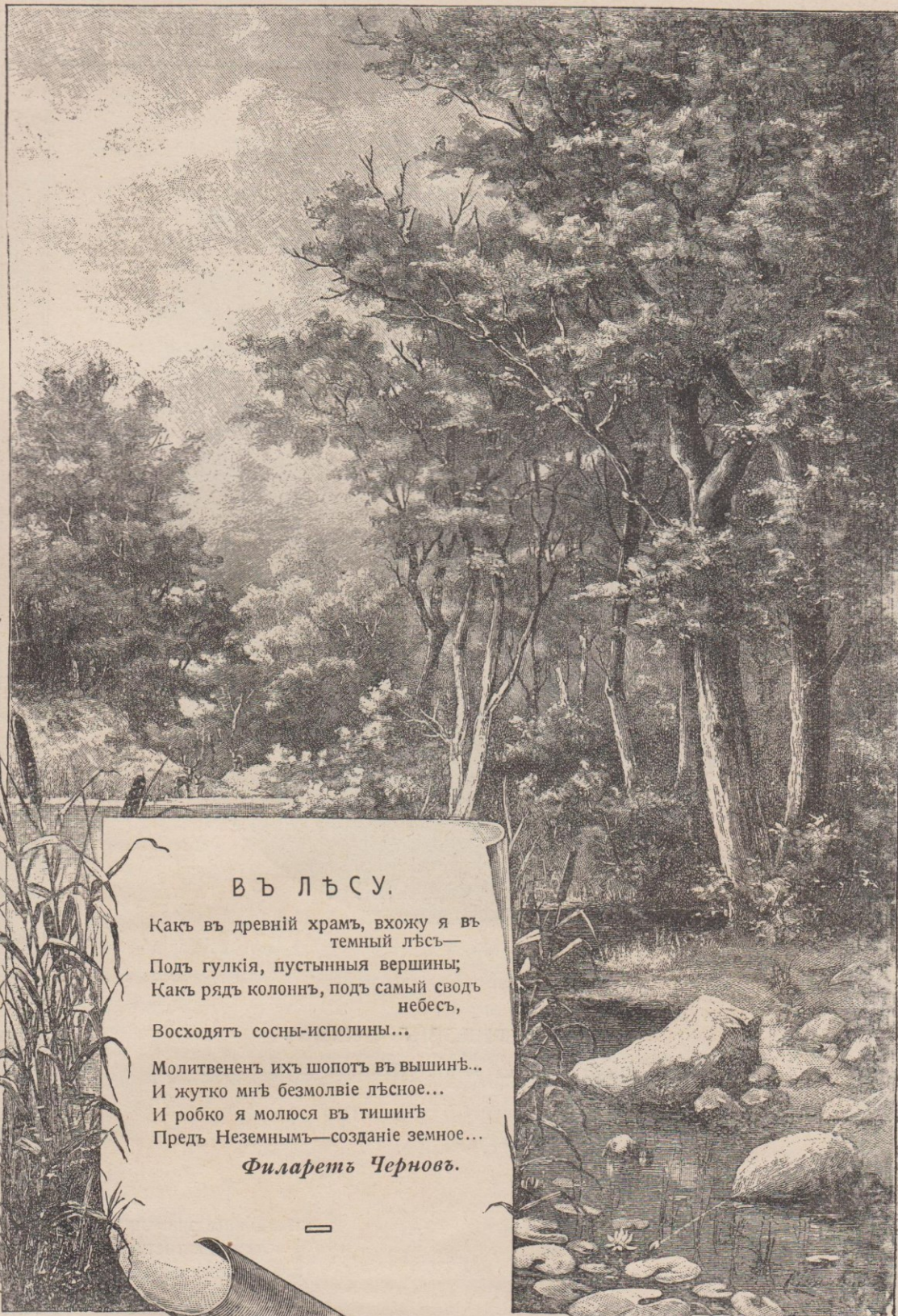

Э. Поль.

РАЗВЯЗАВШАЯСЯ САНДАЛИЯ.

1915 г. Пробужденіе № 19-й

ВЪ ЛЪСУ.

Какъ въ древній храмъ, вхожу я въ
 темный лѣсъ—
 Подъ гулкя, пустынная вершины;
 Какъ рядъ колоннъ, подъ самый сводъ
 небесъ,
 Восходятъ сосны-исполины...
 Молитвененъ ихъ шопоть въ вышинѣ...
 И жутко мнѣ безмолвіе лѣсное...
 И робко я молюся въ тишинѣ
 Предъ Неземнымъ—созданіе земное...

Филаретъ Черновъ.

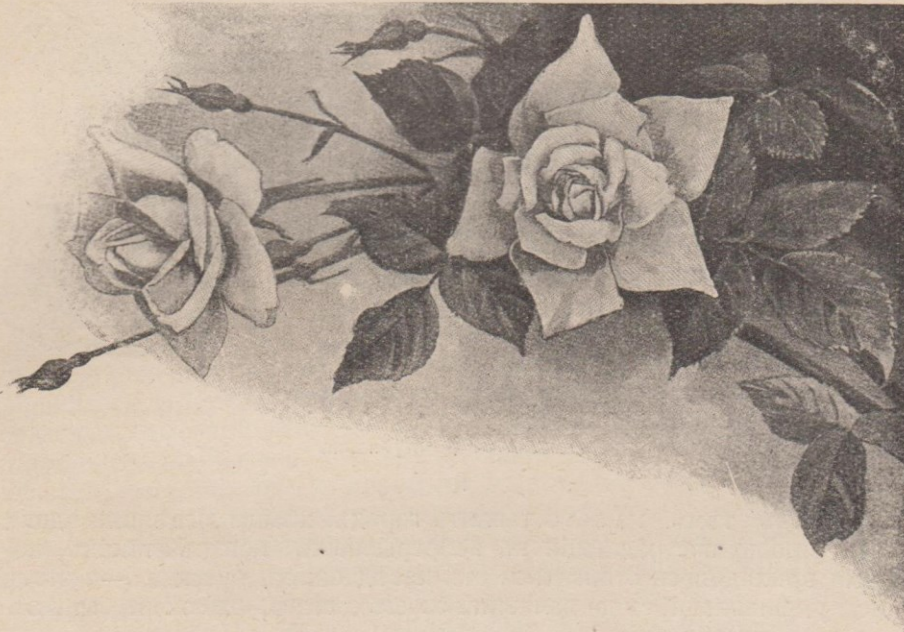
ПРОБУЖДЕНІЕ.

Филаретъ Черновъ
 и м. Грина
 1-го Октября 1915 г.

МАРІЯ ГАВРИЛОВНА САВИНА.
Заслуженная артистка ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ.

КЪ КОНЧИНѢ ЗНАМЕНИТОЙ
РУССКОЙ АРТИСТКИ,
8-го СЕНТЯБРЯ 1915 ГОДА.

БАРАБАНЩИКЪ.

(Моимъ братьямъ).

Есть на Руси барабаникъ лихой...
Кто его только не знаетъ?..
Неутомимый и смѣлый такой,—
Въ полночь онъ глазъ не смыкаетъ.

Если насиліе въ жизни сплететъ
Рабства позорныя нити,
Бьетъ въ барабанъ онъ и громко зоветъ:
„Бѣдные братья, не спите“!..

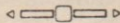
Если всѣ чувства остыли въ груди,
Нуженъ примѣръ и отвага—
Бьетъ въ барабанъ онъ... и самъ впереди
Смѣло идетъ шагъ за шагомъ.

Частю вестя достается ему
Въ дебряхъ полки молодые...
Бьетъ въ барабанъ онъ... И смотрятъ во тьму
Солнца лучи золотые...

Есть на Руси барабаникъ лихой,
Бодро стоитъ онъ на стражѣ,
Неутомимый и смѣлый такой,—
Всѣмъ онъ дорогу укажетъ.

Холодъ и голодъ ему ни по чемъ—
Шли-бы товарищи въ ногу...
Ходитъ онъ бодро и ночью и днемъ,
Во время бьетъ онъ тревогу.

Ив. Мукосъевъ.

Находка.

Разсказъ В. В. Муйжеля.

I.

Передъ тѣмъ какъ оставлять городъ, нѣмцы выдѣлили одинъ полкъ, сильно пострадавшій въ непрерывныхъ контръ-атакахъ, которыми приходилось отбиваться отъ насѣдавшихъ русскихъ—и этотъ полкъ, уменьшившійся до половины своего состава,—долженъ былъ задерживать наступленіе.

Въ это время всѣ нѣмецкія части—съ артиллеріей, обозами и парками, отступали къ границѣ. Полкъ, оставленный въ маленькомъ, до тѣхъ поръ невѣдомомъ никому городишкѣ,—тѣмъ самымъ отдавался смерти. Для всѣхъ было совершенно понятно, что отсюда могутъ уйти только въ плѣнъ или тяжело ранеными; но часть была выбрана хорошо—въ ней порядочно оставалось перволинейныхъ солдатъ, и о плѣнѣ не могло быть рѣчи. Цѣль была поставлена съ беспощадной прямолинейностью: во что бы то ни стало, цѣною собственной смерти, задерживать накатывающіяся волны русскихъ. Никакихъ перемѣнъ этого приказанія быть не могло. Единственное добавленіе—чѣмъ дольше будетъ продолжаться бой, тѣмъ лучше. Тогда будетъ выиграно время для отхода какъ всей арміи, такъ и тыловыхъ ея учреждений.

Городокъ—жалкій, безуѣздный городокъ сѣверо-восточной Польши, населенный той особенной городской бѣднотою, которая неизвѣстно чѣмъ и неизвѣстно какъ перебивается со дня на день—былъ почти разрушенъ. Русскія батареи, окружившія его съ трехъ сторонъ подковой, въ продолженіи двухъ дней громили гранатами и бризантными снарядами жалкіе домишки. Обвалившіяся крыши, оголенные стѣны—иногда открывающія интимную внутренность какой-нибудь лачуги, снесенныя до основанія хаты, отъ которыхъ осталась одна печь, сумрачно и угрюмо чернѣющая закопченнымъ челомъ—все имѣло странный, немного дикій и жуткій видъ...

Нигдѣ такъ не видна тяжелая, все разрушающая на своемъ пути поступь войны, какъ въ городахъ. Соломинку по соломинкѣ собирали люди въ очагъ свой—и въ каждой вещи, въ какомъ-нибудь стулѣ или перевернутомъ теперь кверху ногами диванѣ—проявилась домовитость бѣдняка, изъ поколѣнія въ поколѣніе тянущаго долгую цѣпь дней для того, чтобъ передать ее тому, кто придетъ послѣ него. И кованный, страшный шагъ войны въ два-три часа сметаетъ съ лица земли всѣ мечты, надежды, радости и скромное довольство...

И тѣ, кто не могъ или не успѣлъ выѣхать при началѣ военныхъ дѣйствій, тѣ, что сидѣли въ подвалахъ и погребахъ во время бомбардировки—съ ужасомъ и тоской смотрѣли на гибель города...

Когда нѣмецкая армія оставляла городъ—такихъ было немного. Часть—наиболѣе молодыхъ и сильныхъ—нѣмцы уводили съ собой; часть задохлась въ своихъ подвалахъ подъ обломками рухнувшихъ зданій, часть просто погибла, высунувшись не во время наружу, отъ снарядовъ, отъ осколковъ падающей стѣны или высокой трубы двухэтажнаго дома...

Возможно, что во всемъ городѣ, кромѣ оставленныхъ нѣмецкихъ солдатъ и двухъ офицеровъ,—никого не было. Трудно было-бы предположить, что среди молчаливыхъ, зловѣщихъ развалинъ—гдѣ-то въ потемкахъ, осторожно и робко бьется еще чья-то жизнь... Лейтенантъ, тяжело раненный въ голову и твердо знавшій, что ему все равно не поправиться, и потому оставшійся въ арьергардѣ, посвященномъ смерти, молодой, высокій лейтенантъ, собиравшій послѣднія силы, чтобы преодолѣть наплывавшій на мозгъ туманъ, ходить, двигаться, думать—обошелъ весь городокъ и никого не встрѣтилъ. Онъ не слышалъ даже человѣческаго голоса, не поймалъ ни одного стона; лежали неубранные, благодаря поспѣшному отступленію, трупы нѣмецкихъ солдатъ, тяжелыми массами чернѣли павшія лошади—и единственнымъ живымъ существомъ среди этого царства смерти—была худая, ободранная кошка, трусливо и жалко принаикавшая брюхомъ къ землѣ при каждомъ звукѣ.

Лейтенантъ остановился на рыночной площади, оглянулся кругомъ и, морщась отъ боли и отъ подымавагося все выше жара, вздохнулъ.

Черезъ часъ, или два, или пять часовъ онъ будетъ лежать также съ раздробленной головой или распоротымъ штыкомъ животомъ, какъ тотъ ландштурмистъ, что, раскинувъ руки, легъ въ неудобной позѣ подлѣ разбитаго балагана торговли-еврейки... Или тотъ молодой—почти мальчикъ еще—изъ послѣдняго набора, сформированнаго именно для этой операціи, закончившейся такъ неудачно—мальчикъ съ дѣтскими пухлыми губами на восковомъ, темнѣющемъ лицѣ, что лежитъ у тротуарной тумбы, упершись въ нее плечомъ и подобравъ подъ себя руки, словно ему холодно...

Лейтенантъ хотѣлъ было о чемъ-то подумать, но боль въ раненой головѣ мѣшала, и онъ сталъ думать о томъ, что было привычнымъ и знакомымъ, потому что объ этомъ ему говорили долго и много: какъ вести бой?

И рѣшилъ: самый страшный и самый медлительный бой—бой уличный—въ домахъ, на перекресткахъ, гдѣ нападающій каждый моментъ можетъ ожидать засады, удара въ спину и проч. Лейтенантъ еще разъ сообразилъ всѣ обстоятельства, въ конечномъ выводѣ которыхъ была его личная и всѣхъ оставшихся съ нимъ смерть—и пошелъ къ тому мѣсту, которое солдаты называли штабомъ полка, хотя, на самомъ дѣлѣ, никакого штаба не было...

II.

Бой начался подъ вечеръ, продолжался всю ночь и почти весь слѣдующій день. Нѣмцы засѣли въ домахъ—причемъ выбрали предмѣстье и развернули свои форты въ халупахъ и кое-какъ слѣпленныхъ двухэтажныхъ домикахъ—широкой линіей. Притомъ расположились они въ шахматномъ порядкѣ, такъ что пройти сквозь эту линію было не такъ легко...

Наконецъ, сами солдаты наступавшаго полка, которому было приказано очистить городъ во что бы то ни стало,—озлились. Темная, звѣриная злоба вспыхнула въ нихъ и, уже не слѣдя за прикрытіями, валясь подъ осыпавшими ихъ пулями и отъ этого еще болѣе свирѣпѣя,—роты одна за другой рванулись въ предмѣстье штурмомъ.

Тогда началось самое ужасное. Люди вламывались въ дома, разбивали двери, падали подъ выстрѣлами, а на смѣну имъ лѣзли другіе—и когда дорывались до послѣдней комнаты, гдѣ плотной, ожесточенной кучкой сомкнулись нѣмцы—безъ выстрѣла, короткими звѣриными прыжками налетали на нихъ и крушили прикладами, штыками, просто руками, если штыкъ погнулся, а винтовка сломалась. И среди убогой роскоши мѣщанской обстановки, среди обитыхъ продранной клеенкой дивановъ, пузатыхъ комодовъ, упавшихъ и разбитыхъ вдребезги зеркаль, поваленныхъ стульевъ, съ просиженными сидѣньями, и кучи какихъ-то истоптанныхъ, порванныхъ бумагъ и книгъ—завязывалась самая отчаянная рукопашная схватка, передъ которой всѣ ужасы атакъ, бризантныхъ снарядовъ и пулеметовъ казались дѣтской забавой...

Лицомъ къ лицу, сощуривъ острые, возбужденные глаза, сжавъ и слегка оскаливъ зубы, точными, кровожадными движеніями люди кидались другъ на друга и дрались—въ самомъ подлинномъ смыслѣ этого слова до тѣхъ поръ, пока не уничтожали совершенно измученныхъ безконечно длиннымъ боемъ, безсонными ночами, обозленныхъ до звѣрства, думающихъ только о томъ—какъ бы дороже продать свою жизнь, нѣмцевъ.

Потомъ устало отступали въ сторону, вытирали потъ, безглаголиво косились на брызнувшій по наивнымъ обоямъ желтовато-розовый мозгъ, вылетѣвшій изъ расколотаго прикладомъ черепа, и, присѣвъ тутъ же на подоконникѣ,—жадно пили изъ фляжекъ, изъ найденнаго гдѣ-нибудь въ сѣняхъ ведра... И были похожи на загнанныхъ, усталыхъ до потери сознанія звѣрей, спасающихъ свою жизнь убійствомъ другого.

Потомъ, гдѣ-нибудь на улицѣ, за окномъ опять трещали выстрѣлы, сложный дикій крикъ штурмующихъ другой домъ врывался многоголосымъ гуломъ—и солдаты, подхвативъ винтовки, опять съ напряженными глазами, со стиснутыми челюстями, грохоча по лѣстницамъ тяжелыми сапогами, ураганомъ неслись туда, гдѣ слышались крики, и опять лѣзли впередъ, падали подъ пулями, другіе перескакивали черезъ упавшихъ и мчались дальше...

Когда стало темнѣть и синій сумракъ поползъ предательской тѣнью по узенькимъ переулкамъ, по темнымъ дворамъ, по грязнымъ холоднымъ комнатамъ—бой особенно оживился. Выбивали послѣднихъ нѣмцевъ, засѣвшихъ въ каменномъ двухэтажномъ домѣ. Они не пускали на лѣстницу и каждый, кто только выглядывалъ изъ-за поворота ея,—получалъ пулю. И уже четыре трупа русскихъ солдатъ образовали странный кровавый брустверъ на этомъ поворотѣ лѣстницы, гдѣ мѣсяць тому назадъ старый еврей съ библейской бородой, со свѣчкой въ рукѣ тихо подымался по ступенькамъ послѣ закрытія своей крохотной, неизвѣстно кому нужной лавочки...

Солдаты ложились за этимъ еще теплымъ, еще живымъ даже и стонущимъ въ безпамятствѣ брустверомъ, и, лежа, выпускали патронъ за патрономъ вверхъ, откуда сыпались на нихъ нѣмецкія пули.

Уже стемнѣло; на лѣстницѣ было только одно окно гдѣ-то вверху—пыльное, никогда не мывшееся окно—и странный тусклый свѣтъ проникалъ оттуда на площадку. И это помогло штурмующимъ: внизу,

за поворотомъ было совсѣмъ темно защищающіеся ихъ уже не видѣли и выпускали зарядъ за зарядомъ по невидимой цѣли. Изъ нихъ тоже выбыли уже многіе—и нѣсколько труповъ лежало въ неестественныхъ раскинувшихся позахъ на ступенькахъ, сброшенные живыми, которыми они мѣшали, а раненые стонали и хрипѣли тутъ же подъ ногами и силились отползти въ сторону, чтобы не попадаться подъ ноги.

Для взятія городка былъ отправленъ полкъ. Но этотъ полкъ дрался трое сутокъ подъ городомъ въ передовой линіи, бросался въ штыковыя атаки, погибалъ на проволочныхъ загражденіяхъ, гдѣ до сихъ поръ страшными призраками висѣли трупы русскихъ солдатъ—и численность его уменьшилась до одной трети.

Офицерскій составъ былъ почти весь выбитъ—ротами командовали заурядъ-прапорщики, но передъ наступленіемъ на городъ некогда было сдѣлать даже переключки, и полкъ пошелъ такимъ, какимъ былъ послѣ непрерывныхъ, трехдневныхъ боевъ.

Трудно передать ту степень усталости, переутомленія, до которой дошли несчастныхъ уцѣлѣвшихъ полтора батальона, считавшихся въ штабѣ полкомъ полного состава. Люди не спали двѣ ночи; они ѣли только урывками, кое-какъ, когда выпадала свободная минута между двумя наступленіями; они дѣлали переходы по сорокъ верстъ въ сутки, кружась на одномъ мѣстѣ вокругъ городка. И когда все живое, связанное съ прошлымъ каждаго солдата, все человѣческое потухло въ нихъ отъ усталости, отъ бессонницы, отъ непрестаннаго убійства, такъ же, какъ и отъ непрестаннаго ожиданія собственной смерти, къ которой всѣ стали равнодушны и даже не думали объ ней, когда солдаты ходили, какъ разбитые сѣдломъ кавалеристы, ступая на деревянные, избитыя и израненныя ноги—ихъ полкъ послали брать городъ...

Единственный оставшійся въ живыхъ и не раненный офицеръ—капитанъ Богомоловъ, одичавшій за все время войны, а главнымъ образомъ, за всѣ эти три дня человѣкъ, говорившій свистящимъ шопотомъ, потому что онъ безнадежно и едва-ли не навсегда надорвалъ за это время голосъ, вель то, что осталось отъ полка и что считалось въ штабѣ дивизіи полкомъ,—на городъ.

Онъ сдѣлалъ попытку съестись по телефону со штабомъ, сказать, что такого полка уже нѣтъ, что осталось жалкихъ полтора батальона съ единственнымъ офицеромъ, потому что даже полковой командиръ былъ раненъ, что посылать эту ничтожную кучку людей на взятіе города, въ которомъ можетъ быть засѣли значительныя силы нѣмцевъ—значить, посылать на смерть, но его даже не дослушали: въ это время дивизія предпринимала обходное движеніе, имѣвшее своей цѣлью отрѣзать нѣмцевъ отъ ихъ резервовъ, и все вниманіе штаба было направлено въ ту сторону...

Богомоловъ пожевалъ рыжіе, нелѣпо вылѣзавшіе впередъ усы и повелъ батальонъ на смерть...

Еще когда подходили къ брошеннымъ по приказанію доживавшаго послѣдніе часы раненнаго нѣмецкаго лейтенанта окопы передъ городомъ—между солдатами распространилась правда. Какъ, кто первый бросилъ первое слово объ «убоѣ», о неминуемой смерти, которой выкупался городъ—неизвѣстно. Богомоловъ никому не сказалъ ни одного слова—и никто не могъ знать истиннаго положенія дѣла. Но три дня неимовернаго нервнаго напряженія сдѣлали охрипшихъ, огрубѣвшихъ, потерявшихъ человѣчeskій образъ людей въ твердыхъ, какъ дерево, сѣрыхъ шинеляхъ, запачканныхъ землей и кровью, не-

обычайно чуткими, воспримчивыми къ той тоненькой, какъ волосокъ, линіи, которая дѣлитъ жизнь отъ смерти.

Они не сказали ничего. Они даже между собою не стали обсуждать положенія—уже по одному тому, что говорить, затрачивать силы на слова, на мысль, на звукъ голоса—было трудно. Въ этомъ сказывался неумирающій инстинктъ самсохраненія живого существа—тратить какъ можно меньше энергіи на все постороннее, не относящееся къ прямому дѣлу; а прямое дѣло ихъ было—драться, выбить нѣмцевъ и умереть, это они чувствовали и знали, какъ будто дивизионный генераль передъ всѣмъ строемъ объявилъ имъ это. Они только стали угрюмѣе, болѣе замкнутыми и странный налетъ—непередаваемый словами, неопредѣленный и ярко всѣми ощущаемый налетъ смерти—легъ на сѣрья, обтянувшіяся, давно не мытыя лица...

Шла колонна живыхъ, не раненныхъ и возбужденныхъ до послѣдней степени людей. Это возбужденіе позволяло имъ двигаться, идти, не упасть на мѣстѣ и не заснуть тяжелымъ, страшнымъ сномъ переутомленія. Но было похоже, что идутъ не живые, а призраки давно уже умершихъ людей. Идутъ трупы—молчаливые, инертные, механически двигавшіеся, ни о чемъ не думавшіе, двигавшіеся только потому, что имъ еще нужно убивать, ранить, стереть съ лица земли ничтожную защиту городка...

Шли знающіе о смерти и страданіяхъ ея уже то, чего мы никогда не узнаемъ. Тонкая, какъ волосокъ, грань, дѣлящая живыхъ отъ мертвыхъ, постепенно стиралась, становилась незамѣтной въ разсыпавшейся цѣпью колоннѣ людей, въ полтора батальона численностью.

III.

Когда совсѣмъ стемнѣло—на поворотѣ лѣстницы наступило то, что военные авторитеты называютъ атакой. Собственно атаки никакой не было и не могло быть на узкой, грязной, запачканной грязью и кровью лѣстницѣ, но самое движеніе—однихъ впередъ, на смерть—для того, чтобы уничтожить другихъ—было то, что обычно зовутъ атакой.

Три солдата молча, съ винтовками на перевѣсь бросились вверхъ по ступенямъ. Всѣ трое погибли, не добѣжавъ до верху, гдѣ были нѣмцы. Тогда бросилось пятеро—и должно быть нѣмцы, несмотря на всю готовность умереть, дрогнули: у нихъ мелькнула безумная мысль сдать, какъ будто въ томъ состояніи, въ которомъ находились русскіе солдаты, могла быть какая-нибудь мысль о пощадѣ. Они бросили внизъ винтовки, и, грохоча по ступенямъ, сбивая бѣжавшихъ наверхъ русскихъ, онѣ покатались на первую площадку къ повороту.

Богомолвъ случайно набѣжалъ на этотъ домъ и, услышавъ выстрѣлы, рванулся въ него. Онъ попалъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда нѣмцы, въ тщетной надеждѣ на пощаду, сбросили винтовки. Они что-то кричали сверху—но офицеръ, выбившійся въ капитаны изъ сыновей деревенскаго дьячка, плохо училъ въ реальномъ училищѣ нѣмецкій языкъ и не понималъ, а скорѣе догадался о томъ, что нѣмцы кричатъ о сдачѣ. Онъ хотѣлъ остановить солдатъ, хотѣлъ крикнуть—и кого-то схватилъ за рукавъ шинели, чтобы удержать, но солдатъ рванулся прочь и, грохоча пудовыми сапогами, побѣжалъ наверхъ на поддержку своихъ.

Трудно сказать—произошло-ли недоразумѣніе, вызванное брошенными сверху винтовками—и солдаты приняли это, какъ маневръ

сбить ихъ съ лѣстницы—или сами солдаты тоже какой-то темной, заглушенной кровью и убійствомъ стороной мозга догадались такъ же, какъ офицеръ, о томъ, что нѣмцы сдаются, но это, именно это и поддало копившейся унылой злобѣ безпомощнаго передъ смертью существа особенной силы. Она вспыхнула неожиданнымъ взрывомъ и уже не три, не пять, а цѣлая куча солдатъ рванулась наверхъ, страшно топоча по лѣстницѣ, сбивая другъ друга, вся полная жаждой уничтожить послѣднихъ защитниковъ такъ дорого давагося городка...

Капитанъ хотѣлъ побѣжать за ними, хотѣлъ выхватить револьверъ, стрѣлять, драться, Богъ знаетъ что сдѣлать, чтобъ остановить вспыхнувшую ярость, но онъ со вчерашняго дня ничего не ѣлъ, все время не выходилъ изъ боя, и усталость пудовыми гириями лежала на плечахъ, на груди, на одервенѣвшихъ ногахъ. И когда въ смутномъ шумѣ внезапной беспощадной драки рѣзко и отчетливо раздался влажный, чавкающій трескъ разсѣвагося подъ прикладомъ винтовки черепа—онъ почувствовалъ, какъ зеленый дрожащій кругъ вдругъ всплылъ передъ глазами, качнулся вверхъ и вбокъ—и медленно поплылъ въ сторону... И обезсиленный, съ холоднымъ потомъ, выступившимъ по всему тѣлу, онъ опустился на мокрую, липкую ступеньку рядомъ съ неподвижнымъ и еще теплымъ трупомъ какого-то солдата...

Невыносимо яркій, бѣлый свѣтъ карманнаго электрическаго фонаря заставилъ Богомолова открыть глаза. Передъ нимъ стоялъ зарядъ-прапорщикъ Сальниковъ и что-то говорилъ. Рядомъ, у стѣны тѣмнымъ силуэтомъ намѣчалась еще фигура солдата. Руки ея были освѣщены—толстые, слегка дрожащіе пальцы усиленно свертывали цыгарку, рассыпая крупныя крошки махорки.

—...усѣхъ тутъ кончили,—говорилъ простуженнымъ, хрипящимъ голосомъ Сальниковъ,—и еще секреты, что по городу посланы были, вернувши всѣ и говорятъ, что никого больше не осталось... А съ нашихъ, такъ еще расчету не было, а только сильно побиты—почитай, ваше высокородіе, роты двѣ, а то и меньше оставши... Которые въ домахъ побиты, которые на улицѣ лежать... И раненыхъ мало—больше все на смерть, въ упоръ...

Онъ говорилъ еще, какъ Богомоловъ поднялся и, проведя рукой по лицу, какъ только что проснувшійся человекъ, оглянулся вокругъ.

Странное, никогда не извѣданное имъ раньше равнодушіе охватило его. Прежде—даже не дальше какъ сегодня, когда они постепенно выбивали изъ цѣлаго ряда окоповъ противника, послѣ каждой атаки, ощупывая себя, онъ робко, недовѣрчиво думалъ:

«Кажется, цѣль... Господи, неужели цѣль? И живъ, живъ...»

И это была большая радость, не сравнимая ни съ чѣмъ радость ощущенія жизни, переливающейся въ жилахъ крови, біенія собственнаго сердца... А теперь казалось, что все это—и незабываемая радость жизни, и утреннія атаки, когда пулеметы рвали роту за ротой, нагромождая горы труповъ, и вступленіе въ этотъ городокъ, и бой на улицахъ, въ домахъ—даже на этой самой лѣстницѣ, гдѣ ему стало худо и онъ сѣлъ въ лужу вытекшей изъ убитаго солдата крови—все это было давно, такъ давно, что память сохранила обо всемъ этомъ лишь смутныя, колеблющіеся образы.

—Такъ говоришь—никого?—вяло, преодолевая равнодушіе, исключительно для того, чтобы сказать что-нибудь, произнесъ онъ,—что-жь, это хорошо...

Онъ повернулся и пошелъ—самъ не зная куда, бессознательной привычкой выбирая направлѣніе къ выходу изъ дома...

Весенняя, но холодная, проникающая подъ одежду ледяными струйками настывшаго воздуха ночь была на улицѣ. Недосыгаемо высоко горѣли золотыя крупныя звѣзды, шевелились, медленно поворачивались и вели таинственныя бесѣды, не обращая вниманія на искалѣченную, окровавленную землю. Синеватая темнота—еще хранящая отблескъ давно угасшаго заката, была въ узкой кривой и грязной улицѣ. Какіе-то люди стояли передъ домомъ, у длиннаго унылаго забора, и переговаривались грубыми, сиплыми голосами. Красный, неожиданный огонекъ цыгарки вспыхивалъ порою тамъ и тотчасъ же уменьшался и гасъ, переходя въ другія руки и вспыхивая уже дальше.

Опять близко, наклоняясь, вынырнулъ фельдфебель Сальниковъ, давно уже произведенный въ заурядъ-прапорщики и все никакъ не могущій пріобрѣсти погоны офицера—и опять что-то говорилъ. Но словъ Богомоловъ не слушалъ и только далекимъ инстинктомъ понималъ, что теперь все кончено, боя нѣтъ, нѣмцевъ выбили всѣхъ и ничто не грозитъ ввѣренной ему части.

Явившееся такъ внезапно равнодушіе разрасталось, заполняло всю грудь, охватило сердце—и дышать было трудно и въ груди медленно вздымался и падалъ съ тупой болью тяжелый, холодный камень.

Отъ этого подымалась тоска—длинная, унылая, глубокая тоска, какой никогда еще не испытывалъ Богомоловъ.

— Какого чорта?—бормоталъ онъ, проходя мимо сторонившихся солдатъ и не глядя на нихъ, какъ будто ему было стыдно или тяжело увидѣть черныя, оравнодушѣвшія лица,—какого чорта?.. Ну живъ, ну цѣль, даже не раненъ, ну проживу еще можетъ быть, ну что же? Какого чорта?..

Онъ былъ грубъ—выросъ въ бѣдной, почти нищенствующей семьѣ деревенскаго дьячка, гдѣ иногда всѣ другъ друга упрекали кускомъ съѣдаемаго хлѣба, учился до четвертаго класса въ реальномъ училищѣ и жилъ на общей квартирѣ—и тамъ была грубость, обманъ учителей, тайный развратъ, драки, ругань... Потомъ въ полку вольноопредѣляющимся, потомъ юнкерское училище... Но особенно огрубѣлъ, очерствѣлъ онъ на войнѣ, гдѣ по недѣлямъ не приходилось раздѣваться, гдѣ вши ѣли до того, что по ночамъ офицеры ругались, какъ ломовые извозчики, гдѣ все было устремлено къ двойной цѣли: убить самому и не быть убитымъ...

На войнѣ жизнь стала на тонкую, какъ лезвее ножа, грань—и все, что было не жизнью, смертью или ранами, отошло и затушевало, и вспоминалось, какъ сладкій сонъ давно минувшаго дѣтства. Сама жизнь въ окопахъ выработала какую-то защитную корку, покрывшую толстымъ слоемъ нервы—и страданіе, видъ разорванной шрапнелью раны, близость трупа человѣка, съ которымъ полчаса тому назадъ говорилъ и смѣялся, скользило мимо, не задѣвая тѣхъ центровъ мозга, которыми движется общая жизнь человѣчества впередъ...

И теперь, когда все было кончено, когда оставалось только одно—выставивъ часовыхъ и, отправивъ ординарца съ донесеніемъ, завалиться гдѣ-нибудь спать, внезапная тяжелая, какъ бремя всей войны, тоска была неожиданна, удивительна и нова...

— Какого чорта?—ворчалъ Богомоловъ, шагая по темной улицѣ,—чего я въ самомъ дѣлѣ?.. Усталъ, вѣрно, очень!

Солдаты, какъ стадо овецъ за бараномъ, котораго они боялись

упустить хоть на одинъ моментъ, чтобъ не остаться безпомощными, потянулись за нимъ. Въ пустынной тихой улицѣ странно звучалъ шумъ шаговъ усталыхъ, скребущихъ тяжелой подошвой по неровной мостовой, дробный шагъ идущихъ кое-какъ не въ ногу многихъ людей.

— Ваше высокородъ, дозвольте доложить,—вынырнулъ опять у плеча Сальниковъ,—я послалъ второго взвода двоихъ—квартирку вамъ приготовить, чистенькій домокъ такой—не дрались тамъ, не запакошено...

— Ага, квартиру? Это хорошо...—отозвался Богомолловъ не слушая его,—это хорошо, если квартиру...

Они повернули за уголъ возлѣ разрушеннаго совершенно снарядами дома, отъ котораго осталась печь съ полуобвалившейся трубой. Солдаты медленно плелись сзади, молча, устало передвигая ноги, иногда звякая сталкивавшимися въ темнотѣ штыками заброшенныхъ на плечо винтовокъ. И видно было, что всѣмъ теперь все равно—остались они живы, или будутъ убиты, что мозгъ отупѣлъ совершенно и способенъ только на самые простыя, ставшіе привычкой всей жизни выводы, что то же равнодушіе, реакція послѣ трехдневнаго напряженія, охватило ихъ.

У слѣдующаго дома, на крыльцѣ лежалъ трупъ. Сальниковъ осветилъ его своимъ фонарикомъ—и въ бѣломъ кругѣ яркаго свѣта вырисовалась могучая фигура, съ закинутыми надъ головой руками и чуждое, отъ свѣтлыхъ усовъ, потускнѣвшихъ полуоткрытыхъ глазъ и слегка оскаленныхъ зубовъ лицо. Голова трупа была забинтована марлевой повязкой и возлѣ нея валялась смятая чьей-то ногой черная съ золотымъ орломъ каска.

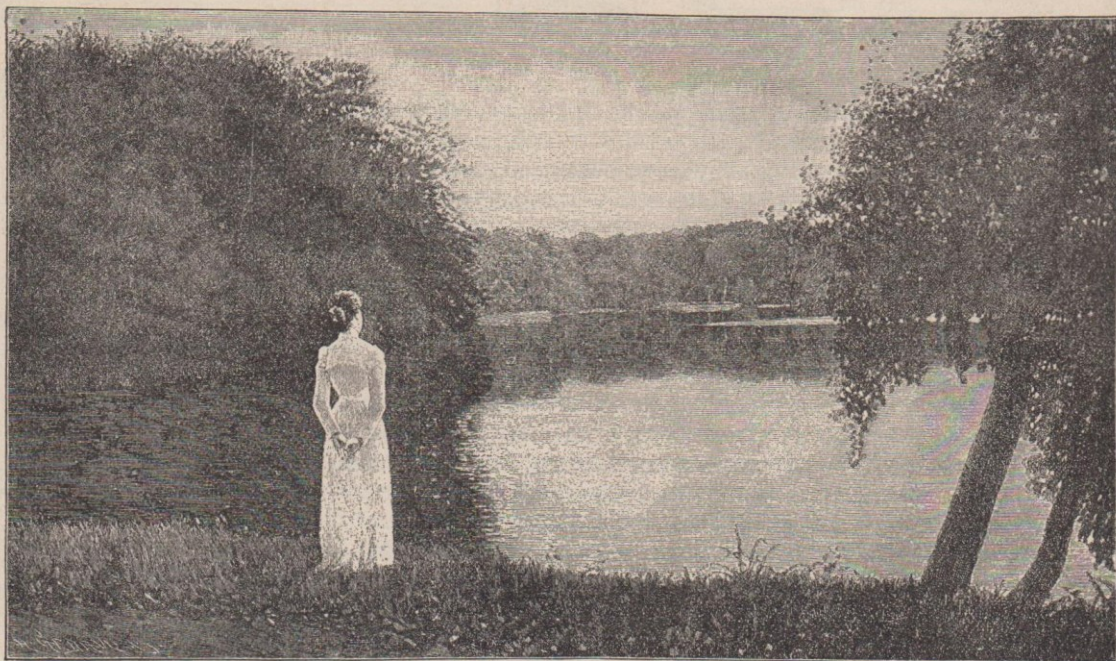
— Офицеръ ихній, что комендантомъ оставши былъ...—проговорилъ Сальниковъ, оглядываясь на другіе трупы, чернѣвшіе на мостовой,—я ужъ оглядѣлъ карманы, бумаги которыя вынулъ, послѣ вамъ передамъ... Только что важнаго у нихъ не можетъ быть—потому, какъ они приготовивши были, навѣрняка знали, что не уйти имъ отсюда—и остались такъ, чтобы помереть навѣрное!..—закончилъ онъ, закрывая фонарь.

Богомолловъ хотѣлъ о чемъ-то подумать, что-то сообразить по поводу этого мертваго офицера съ забинтованной головой и себя, но не нашелъ въ себѣ силы преодолѣть равнодушно тоскливую паутину, опутавшую мозгъ—и двинулся дальше. И едва только двинулся, какъ слѣва, изъ подвального этажа наполовину разрушеннаго артиллеріей дома, мгновеннымъ неожиданнымъ свѣтомъ мелькнулъ красный огонь, сухо щелкнулъ выстрѣлъ и рѣзкій ударъ по рукѣ заставилъ Богомоллова вскрикнуть.

Окончаніе въ слѣдующемъ №.

Викторъ Муйжель.

Въ лѣтнюю ночь...

Въ лѣтнюю ночь такъ торжественно тихое море,
Сосны такъ стройны въ своемъ величавомъ уборѣ,
Въ лѣтнюю ночь надъ землею царятъ небылицы...
Мало-ли что можетъ лѣтнею ночью присниться!..

Въ лѣтнюю ночь такъ мечтательны темные глазки,
Столько въ нихъ искренней мягко довѣрчивой ласки,
Въ лѣтнюю ночь такъ пушистыя длинны рѣсницы...
Мало-ли что можетъ лѣтнею ночью присниться! .

Въ лѣтнюю ночь возлѣ облика нѣжно-родного
Такъ цѣломудренны каждое чувство и слово,
Такъ лучезарна любви нераскрытой страница...
Мало-ли что можетъ лѣтнею ночью присниться! .

Въ лѣтнюю ночь такъ мучительно хочется снова
Счастья обманнаго, счастья тепло-молодого,
Въ лѣтнюю ночь недоступнаго стерты границы...
Мало-ли что можетъ лѣтнею ночью присниться!..

Зоя Бухарова.

Анна Павловна.

Разсказъ Ал. Н. Будищева.

I.

Старый, обширный домъ Берсень-Беклемишевыхъ будто жутко притихъ. Аннѣ Павловнѣ казалось, что каждая вещь въ домѣ—мебель, гардины, ковры—пахнетъ ладаномъ. Высокая, полная, еще красивая, несмотря на свои сорокъ семь лѣтъ, она горько плакала, припадая лицомъ къ маленькому рабочему столику, кусая носовой платокъ, чтобы заглушить рыданія. Она оплакивала своего сына, своего ненагляднаго Витю, убитаго нѣмцами подъ Варшавой, и онъ такъ живо сейчасъ припоминался ей то трехлѣтнимъ крошкой, то рѣзвымъ кадетикомъ, то въ блестящей формѣ гвардейскаго офицера. И, вытирая ладонями глаза, кусая платокъ, она жалобно всхлипывала, какъ беззащитная дѣвочка:

— Витюшка... бѣдненькій мой... любименькій мой...

И плакала, плакала, плакала.

Вмѣстѣ съ убитымъ Витей порою ей вспоминалась и дочь Сонечка, умершая тонкой восемнадцатилѣтней дѣвушкой отъ какой-то страшной ангины, и ея первенецъ Анатолий, застрѣлившійся пять лѣтъ тому назадъ на двадцать третьемъ году. Влюбился въ какую-то дрянъ изъ кафе-шантана и застрѣлился у ея продажныхъ юбокъ, забывъ и отца и мать,—мать, не чаявшую въ немъ души.

— Бѣдненькій, бѣдненькій,—причитала Анна Павловна.

Вошла горничная Таша, служившая у Берсень-Беклемишевыхъ десятый годъ, и подала барынѣ стаканъ воды.

— Барыня, милая, не убивайтесь такъ, родная,—сказала она, вытирая глаза угломъ фартука.

— Да, Таша,—сказала Анна Павловна, громко сморкаясь, видимо желая побороть слезы,—было у меня трое дѣтокъ, а теперь три могилки. Всѣ дѣтки мои у сельской церкви спятъ,—вздохнула она, вновь обливаясь слезами.

Таша забормотала:

— Барыня, милая, Господи...

И сморгнула изъ-подъ рѣсницъ мелкія, быстрыя слезки.

Услышавъ плачь сестры, въ комнату заглянула Варвара Павловна, совсѣмъ не похожая на сестру, маленькая и худенькая, чрезвычайно подвижная. У нея три мѣсяца тому назадъ тоже убили на войнѣ мужа подполковника, и сейчасъ съ двумя дѣтьми своими она гостила въ деревенскомъ домѣ Берсень-Беклемишевыхъ, въ имѣніи мужа сестры.

— Аннушка, будетъ,—сказала она сестрѣ почти строго.—Отъ жизни не уйдешь, и нужно умѣть переносить все, что она посылаетъ! Ну, Аннушка, милая...

Она потрепала сестру по плечу, поцѣловала ее въ голову и опять съ тою-же строгой сдержанностью заговорила:

— У меня вот такое-же горе, а я не плачу. Ты хоть материально-то обеспечена, а я не знаю даже хорошенько, чѣмъ буду жить съ дѣтьми. Мой подполковникъ не выслужилъ еще и пенсіи. Такъ что же подѣлаешь! И я все-таки, видишь, бодрюсь, не предаюсь отчаянію... Ахъ, Аннушка, что дѣлать, надо крѣпиться!

Анна Павловна покорно зашептала:

— Я постараюсь взять себя въ руки, я постараюсь...

Но слезы лились изъ ея глазъ неудержимо. И тряслись ея губы. Дѣрь скрипнула, вошелъ Иванъ Алексѣичъ, высокій, сутулый, широкоплечій. и съ большой русской бородою. Сейчасъ онъ казался дряхлымъ старикомъ, и страшны были его прозрачные глаза. Горбясь, онъ сѣлъ рядомъ съ женою, взявъ ее за руку.

— Ты все плачешь, Аннушка?—спросилъ онъ жену растроганно.

Припадая къ его плечу съ задушенными рыданьями, та, какъ-то взвизгивая, забормотала:

— Трое дѣтокъ... было у меня... теперь три могилки...

И захлебнулась отъ слезъ, дѣлая губами:

— Угу-угу...

— Что-же дѣлать, что-же дѣлать, родная?—зашепталъ Иванъ Алексѣичъ, тряся головою.

Варвара Павловна спросила его:

— Можеть, лучше увезти Анюту опять въ Петроградъ? Можеть, тамъ ей будетъ легче? Все-же тамъ ваши знакомые и друзья...

Иванъ Алексѣичъ занималъ въ Петроградѣ хорошее мѣсто и пріѣхалъ съ женою въ родовое имѣнье, только для похоронъ сына. Всѣ Берсень-Беклемишевы предпочитали быть похороненными въ фамильномъ склепѣ. Здѣсь были похоронены и Сонечка, и старшій Анатолій.

— Нѣтъ, мнѣ здѣсь лучше,—сказала Анна Павловна,—и я не хочу въ Петроградъ. Мы проведемъ здѣсь и девятый и сороковой день. Ахъ, дѣтки мои, дѣтки мои, зачѣмъ вы улетѣли отъ меня? куда?

— Ну, будетъ, Аннушка,—сказалъ Иванъ Алексѣичъ, обнимая жену.—Старайся сдерживать себя. Лягъ въ постель? а?

Онъ поласкалъ плечо жены.

— Не могу... и не хочу... —проговорила та, все также плача.

— Ну, хочешь поѣдемъ въ деревню, навѣстимъ Сонечкину кормилицу Агашу?

— Не могу...

— Тогда я пошлю за докторомъ?

— Ради Бога, не посылай!

— Аннушка, я пошлю? Ну?

— Я не выйду къ нему! Ахъ, зачѣмъ вы меня мучаете? за что?

Съ Анной Павловной началась форменная истерика. Совсѣмъ синими стали ея губы, и всѣ черты ея красиваго, полного и холенаго лица исказились судорогами. Ее уложили въ постель почти насильно.

Однако, къ обѣду она встала и, зябко кутаясь, вышла къ столу съ утомленнымъ и мятымъ лицомъ, съ вялыми и равнодушными глазами. Но передъ вечернимъ чаемъ она какъ будто чуть-чуть оживилась. Пришла въ домъ навѣстить барыню бывшая Сонечкина кормилица Агаша, которую Анна Павловна очень любила. И, усадивъ ее за чайный столъ рядомъ съ собою, она съ участіемъ разспрашивала ее, какъ-то ей теперь живется, и нѣтъ-ли кого изъ ея семьи на войнѣ.

Агаша, крѣпкая, чернобровая баба, схлебывала съ блюдечка чай и дѣловито говорила:

— На войнѣ у меня, милая барыня, двое: Платонъ и Лазарь.
— Мужъ и второй сынъ? Мужъ-то какимъ образомъ?—удивлялась Анна Павловна.

— Ополченцемъ, барыня. Онъ въ Австріи подь крѣпостью стоитъ, какъ, бишь, ей имя? Одинъ раненый теткѣ Акулинѣ разсказывалъ...

— Какой Акулинѣ? Воробьевой?

— Да, да. Ей самой. А Лазарь отписывалъ, четыре раза онъ въ бояхъ былъ. Подь четыремя городами. Забыла ихъ прозванія.

Агаша разломала кренделекъ, накрошила его въ чашку, размяла ложечкой и бережно и съ аппетитомъ стала ѣсть.

— Жалко мнѣ Лазаря,—говорила она тихо и сердечно,—больно ужъ смиренъ онъ, забидаютъ его нѣмцы, не пожалѣютъ его простоты. И всего двадцать два года минуло ему передъ Николой. Николѣ и молюсь за него. И Владычицѣ, и его святому Лазарю, и Ивану-Воину. Ивану Воину, говорятъ, за воиновъ хорошо молиться...

— Оба живы?—справилась Анна Павловна съ участіемъ.

— Въ прошломъ мѣсяцѣ оба были живы, а теперь кто-же знаетъ?—развела руками Агаша.

Нацѣживая ей вторую чашку, Анна Павловна спросила:

— Сколько же у тебя всѣхъ дѣтей-то теперь?

— Девятеро, красавица,—сказала Агаша весело.—Я, вѣдь, въ позапрошломъ году еще Никиту родила. Ходитъ онъ ужъ теперь и кашу ѣсть.

— Стало быть, у тебя пять сыновей сейчасъ?—спросила Анна Павловна и стала считать по пальцамъ:—Прохоръ, Лазарь, Васенька, Илья и Никита? да?

— Пятеро, милая барыня,—засмѣялась Агаша, показавъ крѣпкіе зубы.—Да четыре дѣвки. Двѣ уже замужемъ. Луша да Дуня. Да шестерыхъ я схоронила.

— Тебѣ не трудно съ дѣтьми?—справилась Анна Павловна, заботливо подкладывая Агашѣ свѣжій кренделекъ.

— Да что за трудъ?—развела Агаша руками.—Коровка у насъ есть, двѣ лошадки есть, восемь десятинъ мы засѣваемъ яровинки и озимаго, слава тебѣ Господи! Что же тутъ труднаго, милая барыня, сладкая ты наша,—протянула Агаша.

«Счастливая»,—подумала Анна Павловна, и широкая, свѣтлая радость вспыхнула въ ней, какъ мгновенная молнія, расторгая мракъ и уныніе.

Она сжала губы и чуть-чуть насупила брови. Потомъ спросила:

— Старшій Прохоръ все у тебя бондарничаетъ?

— Бондарничаетъ въ Кузнецкѣ. А семья его съ нами живетъ. Сноха Лукерья да четверо внучатъ.

— Сколько-же съ тобой въ избѣ сейчасъ живетъ?—опять справилась Анна Павловна.

Агаша разсмѣялась, такъ что расплескала изъ блюдечка чай.

— Однихъ малышей восемь человекъ; высыпать на заваленку въ погожую погоду, какъ воробьи на плетнѣ. Да сноха Лукерья, да сноха Дарья... Вотъ сколько,—смѣялась Агаша.

«Счастливая,—вспыхнуло въ Аннѣ Павловнѣ.—Счастливая, счастливая!»

Ея подбородокъ сморщился.

— Аннушка,—просительно протянулъ Иванъ Алексѣичъ, замѣтивъ тяжкую гримасу жены.

— Я больше не буду,—сказала она какъ будто твердо.

Но двѣ слезинки покатались по ея щекамъ. Она проворно отерла ихъ.

Агаша глядѣла на нее съ соболѣзнованіемъ. Затѣмъ встала, подошла къ ней и поцѣловала ее въ лобъ.

Отъ нея пахло лукомъ, избой и кислымъ тѣстомъ.

— Милая моя Агашенька,—сказала Анна Павловна, всхлипнувъ.

Весь вечеръ она вспоминала съ Агашей о Сонечкѣ. Шопотомъ Агаша рассказывала ей затѣмъ, какъ ей трудно было родить Никиту.

— Думала, милая барыня, двойня идетъ, такъ и думала, голу-бушка, двойня,—вздыхала Агаша,—до того великъ мой младенчикъ былъ...

И Анна Павловна съ участіемъ и соболѣзнованіемъ ее слушала. Не безъ гордости сказала:

— Въ Толѣ, въ моемъ первенцѣ, когда онъ родился, четырнадцать фунтовъ было. Но Сонечку я всего труднѣе рожала.

Послѣ ужина передъ сномъ Анна Павловна съ Агашей гуляла по саду по одной аллеѣ, которую вчера разгребли отъ снѣга. И говорили только о дѣтяхъ съ таинственными и ласковыми лицами, съ мягкими жестами.

Припомнили все: какъ у кого и на какомъ мѣсяцѣ рѣзались зубы, какъ и кто начиналъ ходить. Какъ картавилъ первыя слова. Лиловыя тѣни лежали подъ бѣзлистными, молчаливыми липами, и ясныя звѣзды, казалось, съ участіемъ слушали бесѣду двухъ женщинъ, точно она имъ была близка и понятна.

Матово блестѣлъ на крышѣ снѣгъ.

Когда вернулись въ домъ, Иванъ Алексѣичъ спалъ, но сквозь сонъ не то покашливалъ, не то всхлипывалъ.

— Тоже умучился,—подумала Анна Павловна о немъ,—нѣтъ у него дѣтокъ, одинъ онъ, бѣдный мой... А Агаша, какая счастливая!

II.

Въ постели Аннѣ Павловнѣ ярко вспомнилось.

Было жарко на балконѣ и тихо. Плотные, темнозеленые и пряно-пахучіе листья тополей, росшихъ вокругъ балкона, не шевелились. Прямо передъ балкономъ, подъ пологимъ скатомъ, неподвижно, какъ серебряный щитъ, лежало продолговатое озеро, пламенно сверкая, трепеща горячими искрами.

Станица гусей съ яркими оранжевыми клювами кралась у берега, тихо и радостно гогоча. А посреди озера плавно скользила парусная шлюпка «Чайка», на которой кучеръ Епифанъ и садовникъ Пантелеичъ катали Толю и Витю вмѣстѣ съ ихъ гувернанткой m-lle Блень-де-Балю. Анна Павловна великолѣпно знала, что озеро неглубоко, что Епифанъ и Пантелеичъ очень осторожные люди, и что ея мальчикамъ не можетъ угрожать никакой опасности, но тѣмъ не менѣе она не сводила счастливыхъ глазъ съ этой шлюпки, разсѣянно бросая зерна пшеницы двумъ павлинамъ, расхаживавшимъ возлѣ балкона по песочку. А порою оглядывалась и на Сонечку, которую

Т Маттеи.

ПОТЕРЯННОЕ СЧАСТЬЕ.

кормилица Агаша въ щегольскомъ кокошникѣ на головѣ носила возлѣ парниковъ и, легохонько тютюшкая, напѣвала:

— Яблочко садовое
Весной завязалось...

Широко вышагивая въ свободной парусиновой поддевкѣ, на балконъ поднялся бородатый, огромный, сутулый Иванъ Алексѣичъ. Отъ него такъ и несло здоровьемъ, счастьемъ, довольствомъ. Онъ всегда былъ счастливъ, когда ему доводилось проводить лѣтніе мѣсяцы у себя въ имѣньи.

— Ухъ, какая прелесть денекъ сегодня! ты купалась, Аннушка?—спросилъ онъ, ласково и нѣжно цѣлуя жену въ лобъ у самыхъ волосъ.

— Купалась утромъ. Что за чудо купанье у насъ,—вздохнула Анна Павловна,—право-же, не хуже Ялты.

— Да ужъ съ Сестрорѣцкомъ во всякомъ случаѣ не сравнить,—сказалъ Иванъ Алексѣичъ и, оглядывая окрестность счастливыми глазами, точно наслаждаясь каждой подробностью, которую схватывалъ его глазъ—озеромъ, шлюпкой, купальней, Сонечкой на рукахъ у кормилицы, тополями, онъ спросилъ:

— А что у насъ сегодня на обѣдъ?

Вся пронизанная солнцемъ, радостно ощущая въ себѣ удивительно пріятную гармоничную уравновѣшенность, Анна Павловна лѣниво отвѣтила:

— Щи изъ щавеля, битки съ лукомъ, блинчики съ вареньемъ.

— Къ биткамъ прикажи хрѣну натереть и сдѣлать съ уксусомъ,—попросилъ Иванъ Алексѣичъ.

— А если салатъ?—спросила Анна Павловна, жмурясь, ощущая солнце въ каждой своей жилкѣ и не сводя глазъ съ дѣтей.

— Одно другому не мѣшаетъ,—засмѣялся Иванъ Алексѣичъ,—«можно и тѣго и другѣго по полной тарельцѣ!» У меня сейчасъ прямо таки волчій аппетитъ!

— Это отъ купанья.

— И отъ прогулки по лугамъ. Я сдѣлалъ сейчасъ не менѣ восьми верстъ. А ты сегодня гуляла?

— Гуляла съ Толей вокругъ озера. Нарвали незабудокъ. И нашли гнѣздо трясогузокъ. Прямо на землѣ подъ травкой! Ужасно глупенькая птичка. Придетъ кошка и съѣстъ дѣтокъ. Ваня,—вдругъ позвала Анна Павловна мужа, не глядя на него. Все также глаза ея смотрѣли на озеро.

— Что?—откликнулся мужъ, поглаживая широкую бороду.

— Ваня, ты сколько-бы желалъ имѣть дѣтей?—спросила Анна Павловна какимъ-то замкнутымъ голосомъ, по-прежнему не оборачиваясь къ мужу.

— Трехъ, не болѣе трехъ,—отвѣтилъ Иванъ Алексѣичъ.—То, что есть, съ меня вполне довольно!

— Почему?—почти небрежно бросила Анна Павловна.

— Какъ почему?—спросилъ Иванъ Алексѣичъ и засмѣялся.— А я такъ мечталъ всегда,—отвѣтилъ онъ затѣмъ.—Двумъ сыновьямъ, видишь-ли, я мечтаю оставить не заложенное имѣнье въ 1200 десятинъ. Прекрасный кусокъ? да? А чтобъ выкупить у Сонюрки ея часть, они заложать его въ пятидесяти тысячахъ. Словомъ, всѣ трое птенца наши будутъ великолѣпно обеспечены. Такъ? Развѣ ты не хочешь ихъ безопасности?—вдругъ задалъ вопросъ Иванъ Алексѣичъ.

Анна Павловна молча смотрѣла передъ собой. Потомъ, вздохнувъ, сказала какъ будто сердито:

— Счастье не всегда въ обеспеченности.

И стала спускаться съ балкона въ садъ.

Прожаживаясь по саду, она все думала:

«Нѣтъ, счастье въ обеспеченности,—гдѣ нужда, тамъ не можетъ быть счастья! Ваня правъ!»

Она пошла къ парникамъ, гдѣ Агаша тихохонько тютюшкала Сонечку, и ласково спросила кормилицу:

— Въ нуждѣ можетъ быть счастье, Агашенька? ты какъ думаешь?

Та улыбнулась, показавъ крѣпкіе и здоровые зубы.

— Какое ужъ въ нуждѣ счастье!—живо воскликнула она затѣмъ.

«Вотъ и она то же самое говорить, — подумала Анна Павловна,—и, конечно, она права. Женщина не должна быть только самою, но и разумной матерью! Разумная мать прежде всего!»

Она взяла Сонечку изъ рукъ кормилицы, нѣжно прижала ее къ себѣ, поцѣловала ее въ ротикъ и, пьянѣя отъ возбужденія, тютюшкала ее, закричала ей въ личико:

— Она будетъ у насъ богатой невѣстой! Она будетъ у насъ богатой невѣстой! Со-ню-шенька!

И вдругъ ее пронизало радостное и свѣтлое умиленіе, опаживая ее всю тепломъ, наполняя ее почти благоговѣйными, похожими на молитву ощущеньями. И по этимъ ощущеньямъ Анна Павловна вдругъ ясно поняла, что она вновь беременѣть. Нѣжно, бережно, но крѣпко прижимая къ себѣ Сонечку, она сквозь зубы растроганно запѣла:

— Яблочко садовое
Весной завязалось...

За обѣдомъ, она сидѣла разсѣянная и избѣгала глазами лица мужа. Думала то-и-дѣло:

«Наши дѣти должны быть хорошо обеспечены. Ваня правъ. Нужда страшна. И женщина не кошка: она не можетъ беременѣть каждую весну! Разумъ данъ человѣку, чтобы устраивать свою жизнь согласно выводамъ разума!»

Но вечеромъ Анна Павловна прошла въ садъ и тамъ въ одиночествѣ тихо и жалобно плакала.

* * *

Въ Петербургѣ старый, съ желтыми костлявыми руками докторъ какого-то старомоднаго вида и покроя говорилъ ей:

— Вы не первая и не послѣдняя. Всѣ должны прибѣгать къ этому. Современная семья не въ силахъ прокормить, воспитать и поставить на ноги двадцать пять дѣтей, а между тѣмъ плодovitость нѣкоторыхъ женщинъ изумительна, и онѣ могутъ рожать каждый годъ по ребенку. Вы принадлежите именно къ такимъ женщинамъ. О чемъ-же вы плачете? Примите къ свѣдѣнію, что тамъ, гдѣ нѣтъ сознанія, нѣтъ и жизни! Ну, успокойтесь-же и отрите ваши слезки! Выкидышь—не убійство! Полноте!

III.

Также горѣлъ ночникъ, и также бѣлѣлъ снѣгъ за окнами. Анна Павловна заломила руки и хрустнула пальцами. Ея красивое лицо все тяжело сморщилось, словно расплющенное судорогой. Она

коротко разрыдалась, но тотчас-же овладѣла собой. Съѣла въ постели и опять заломила руки. Страшная, пронзительная до мученія мысль накрыла ее, какъ чернымъ пологомъ. Сотрясаясь вся отъ холода, она подумала:

«Одного моего птенчика убили нѣмцы. Двухъ умертвила жестокая нелѣпость, а семерыхъ своихъ птенчиковъ убила я сама, прежде чѣмъ они увидѣли Божій свѣтъ!»

Ея лицо опять сжалось въ мучительной спазмѣ и, тряся плечами, беспорядочно размахивая руками, она шопотливо забормотала:

— Подлая я, подлая я, подлая я!

Она поспѣшно обула туфли, набросила на себя широкой халатъ и пошла въ спальню мужа. Но на полдорогѣ она остановилась. Мужъ внезапно сталъ ей противень, какъ соучастникъ тѣхъ страшныхъ убійствъ, и ей не хотѣлось сейчасъ видѣть лица его, слышать его голоса. Чѣмъ онъ можетъ утѣшить ее? Какъ? Какими словами?

Она досадливо и сердито пожала плечами, почти со злобою улыбнулась и повернула къ себѣ. Опять съѣла въ постели, не скидая халата и туфель. Покачала головой и сказала:

— Вотъ тебѣ и построила свою жизнь согласно выводамъ разума!

Кто-то невѣдомый и загадочный, склоняясь къ ней съ ѣдкимъ злорадствомъ, вкрадчиво проговорилъ:

— Ты оставила при себѣ тѣхъ трехъ, которые уже были обречены, и умертвила семерыхъ, которые должны были утѣшать твою старость! Что-же знаетъ вашъ жалкій разумъ?

Точно кто размѣялся въ темномъ углу. Стеклянными осколками просыпался страшный смѣхъ. Анна Павловна закрыла лицо руками, и опять ея плечи нѣсколько разъ подрядъ тяжело сотряслись, а лицо сплющилось въ мучительной гримасѣ.

— Что-же знаетъ нашъ разумъ?—спросила она самое себя.

И застонала, раскачиваясь, поводя мутными глазами:

— А-а, а-а-а...

Въ страшной тоскѣ стало томиться сердце. Анна Павловна встала съ постели, подошла къ окну и опустила въ глубокое кресло.

«Ваня тутъ не при чемъ,—подумала она о мужѣ,—рѣшительно не при чемъ, онъ только высказывалъ свои пожеланія: «хочу, чтобы у меня было не болѣе трехъ дѣтей». А я сама изъ боязни нужды рѣшилась идти на такіе ужасы. И я виновна и передъ Богомъ, и передъ дѣтьми, и передъ мужемъ!»

— Зачѣмъ я это сдѣлала? зачѣмъ? зачѣмъ?—простонала она вслухъ. Поставила локти на подоконникъ и стала глядѣть въ окно.

Тамъ молчаливо лежали бѣлые снѣжные сугробы. Неподвижно стояли бѣлыя деревья. Плыли бѣлыя облака. Замкнутыми, холодными и мертвыми показались земля, небо и облака.

— Что я надѣлала! Что я надѣлала!—прошептала Анна Павловна.

Ей вдругъ живо представилось, что тѣ семеро, которымъ она своевольно не дала возможности родиться, живы и здоровы. И у нея сейчасъ не только три могилки, но и семеро живыхъ здоровыхъ дѣтей. Семеро! Семеро! четыре мальчика и три дѣвочки. Валерій, Ваня, Борисъ, Игорь, Машенька, Нюша, Наденька. Развѣ они не могли быть всѣ подлѣ нея? Если-бы она сама, слѣдуя за выводами слѣпого разума, не помѣшала-бы имъ появиться на свѣтъ.

Ветхозавѣтнаго покроя, какой-то словно вылинявшій докторъ,

как живой, привидѣлся ей и, жестикулируя желтой, костлявой рукой, невнятно забормоталъ:

— Женщина должна быть не только родильнымъ аппаратомъ и самкой, но и разумной матерью, размышляющей о судьбѣ уже рожденныхъ ею. Развѣ сладко плодить голодныхъ нищихъ? Лучше родить четырехъ счастливыхъ, чѣмъ двѣнадцать несчастныхъ? Не правда-ли?

— Неправда! Неправда! Неправда! — хотѣлось кричать Аннѣ Павловнѣ, — что можетъ знать вашъ слѣпорожденный разумъ? Не онъ-ли заставлялъ меня изыскивать средства къ обезпеченію мертвецовъ и умертвить тѣхъ, которые должны были жить? Не онъ-ли слѣпорожденный?

Желтое лицо доктора сморщилось и заколебалось.

— Конечно, — снова забормоталъ онъ, — нѣкоторый процентъ умираетъ и нѣкоторый остается въ живыхъ. Вычислить этотъ процентъ мы, пожалуй, можемъ съ нѣкоторой точностью, но заранѣе указать пальцемъ на живыхъ и мертвыхъ, этого намъ не дано: мы же не пророки.

— Да, конечно, вы не пророки, а дѣтубійцы! — чуть не закричала Анна Павловна, вся сжимаясь въ своемъ креслѣ, какъ подъ жесточайшими ударами.

Судорога мучительной спазмой прошла по ея лицу, однако не выжавъ изъ ея глазъ ни одной слезки.

Она встала съ кресла, прошла въ уголь, упала на колѣни передъ образомъ, возбужденно нашептывая:

— Валерій, ненаглядная дѣтка моя, прости меня! Прости меня, Наденька моя безвинная! Ваня, прости! Нюша, прости! Игорь, прости! Боренька, ненаглядный, прости!

Словно горячая буря сжигала ея мозгъ, беспощадно терзая сердце, а она все нашептывала слова своей страшной молитвы. А потомъ должно быть она потеряла сознание. Очнулась она на полу въ углу передъ образомъ. Она оправила спутавшіеся волосы и оглядѣлась. Также горѣлъ ночникъ. Бѣлѣлъ снѣгъ на дворѣ и молчаливо шли въ небесахъ тучи. Откуда? Куда? Бѣдный человѣческой разум! Руксю она нащупала кресло и, опираясь на него, встала на ноги. Прошептала трижды:

— Боже! отпусти прегрѣшенія мои!

Но тутъ-же подумала:

«Зачѣмъ ей надо отпущение ея грѣховъ? ни къ чему ей это!»

— Ни къ чему, — проговорила она вслухъ, — совсѣмъ ни къ чему!

Не лучше-ли ей открыть вотъ сейчасъ форточку, застудить тѣло свое, чтобъ помереть и, такимъ образомъ, соединиться со всѣми своими дѣтьми?

А если не соединишься? Что знаетъ слѣпорожденный? И кому можно повѣрить здѣсь на землѣ?

Она содрогнулась, пожалала плечами и опустилась въ кресло, снова поставивъ локти на подоконникъ. И ей, какъ живая явь, ярко представилось: Валерій и Ваня катаются на салазкахъ съ горы отъ колодца подъ скатъ на озеро. Боря, Машенька и Нюша играютъ въ столовой въ лошадки; а Игорь и Наденька жмутся къ ней горячими розовыми щечками.

— Мапочка, Расскажи сказочку, — просительно тянуть они, — дорогая мамочка, пожалуйста...

— Сказку про колобокъ, — просить Наденька.

— Про царевну лягушку, — настаиваетъ Игорь.

Анна Павловна простила и насторожилась. Неопредѣленные звуки долетѣли до нея, пугая и томя ее этой своей жуткой неопредѣленностью. Точно кто барабанилъ по крышкѣ стола. Однако, все разрѣшилось очень просто. Въ столовой, за двѣ комнаты отъ спальни Анны Павловны чесалась кошка, постукивая стуломъ. Да через стѣнку въ комнату Варвары Павловны, гдѣ она помѣщалась съ одиннадцатилѣтней Лизанькой и восьмилѣтнимъ Мишей, шелъ разговоръ. Видимо, не спали и тамъ.

— Мамочка, мамочка,—слышался встревоженный шопотъ Лизочки.

— Что тебѣ еще?

— Мнѣ не спится!

— Спи!

— Я не могу!

— Старайся.

— Мамочка!

— Ну?

— Покойный папочка, когда объяснялся тебѣ въ любви, на одно колѣно всталъ, или на оба?

— На оба.

— Я такъ и думала. А гдѣ онъ объяснялся тебѣ въ любви: въ саду, или въ гостиной?

— Въ конюшнѣ. Спи, скверная дѣвчонка, все она хочетъ знать.

— Нѣтъ, мамочка, въ самомъ дѣлѣ,—захныкалъ голосъ Лизы,— въ саду или въ гостиной?

— Мамочка,—зашепталъ и Миша.

— Тебѣ еще что?

— Папочкѣ за что дали Владимира съ бантомъ?

— За Путиловскую сопку.

— Въ Манчжуріи?

— Въ Манчжуріи.

— А золотое оружіе?

— У него не было золотого оружія.

— Какъ не было, когда я самъ видѣлъ?

— Во снѣ видѣлъ! Спи.

За стѣнкой стихло. И кошка перестала чесаться на сонъ грядущій. Стулъ болѣе не хлопалъ ножкой въ столовой, пробуждая жуткіе, неразборчивые звуки.

«Сколько лѣтъ было-бы сейчасъ Валерію?» — вдругъ пришло въ голову Аннѣ Павловнѣ.

Ея лицо снова все тяжко сжалось, но по-прежнему ни одна слезка не выкатилась изъ ея глазъ.

— Боже мой! Боже мой!—вздыхнула она.

IV.

Каждому изъ тѣхъ семерыхъ, несравненно милыхъ сердцу, она точно опредѣлила возрастъ. Валерію только что исполнилось девятнадцать лѣтъ и онъ былъ студентъ-медикъ I-го курса. Семнадцатилѣтній Ваня кончалъ курсъ реального училища и мечталъ идти въ консерваторію. Борѣ было 12 лѣтъ, а Игорю десять. Этотъ послѣдній мечталъ купить имѣнье въ Техасѣ и стать плантаторомъ. Машенькѣ исполнилось въ іюль 15, а Нюшѣ въ декабрѣ—девять. Самой младшей Наденькѣ уже исполнилось восемь лѣтъ. Между ней и Нюшей разница

всего въ одиннадцать мѣсяцевъ. Анна Павловна хорошо объ этомъ помнила. Она шевельнулась въ своемъ креслѣ, вытягивая ноги, есе также поглядывая въ окошко будто равнодушными тусклыми глазами, въ то время какъ въ ней все сотрясалось, словно подъ ударами тяжелой бури.

— Валерій!—позвала она вслухъ,—Валерій, милый мой, родненькій, сыночекъ.

Сынъ вынырнулъ откуда-то рядомъ и положилъ къ ней на колѣни свою голову.

— Онъ не сердится на меня,—подумала она,—мой крошка, онъ не сердится на меня!

Какъ-то подбирая губы, она стала жалобно причитать:

— Меня обманули всѣ, дѣтка. Мнѣ говорили: главное, бойся нужды! Главное, чтобъ дѣти были хорошо обезпечены! Въ этомъ и вся моя вина; охъ, охъ, бѣдненькій мой! Сыночекъ ненаглядный, любименькій! Ваня, Боренька, Игорь, Машенька, Нюша, Наденька,—стала перечислять Анна Павловна, поводя строгими глазами.

Метнулась широкая свѣтлая тѣнь по стѣнѣ. Въ комнату вошла Таша со свѣчкой.

— Барыня, милая; что это вы все не спите?—спросила она шопотомъ.

— Не хочу спать,—сказала Анна Павловна равнодушно.—Ташенька, въ могилѣ успѣть выспаться человѣкъ, а когда живешь—надо бодрствовать.

— Барыня, милая,—забормотала Таша скороговоркой,—вы хоть-бы прилегли на кроватку.

— Я ложилась. Сонъ уходитъ отъ меня. Онъ боится меня, Таша, какъ проклятой!

— Кто, барыня?

— Сонъ.

— Ой! Зачѣмъ вы такъ говорите, милая барыня, мнѣ страшно!

— И мнѣ страшно, Ташенька. Что дѣлать?

— Барыня...

— Ташенька! Отчего это такъ выходитъ: когда человѣкъ живетъ по совѣсти, онъ ангелъ, а когда по разуму, онъ сатана...

— Не понять мнѣ этого, барыня наша милая, что это вы какъ говорите...

Таша прижала къ своимъ глазамъ уголочекъ ночной кофточки, и изъ ея глазъ покатались слезы.

— Барыня, милая,—говорила она, всхлипывая...

Таша поставила свѣчку на комодъ и пошла къ Аннѣ Павловнѣ, какъ-то растопыривъ руки, точно она боялась, что та убѣжитъ отъ нея.

Лицо Анны Павловны капризно сморщилось. Губы дрогнули.

— Постой, Ташенька,—проговорила она покорно,—я вотъ сейчасъ въ кровать лягу и засну. До утра буду спать. Спокойно, спокойно! Вотъ только халать разстегну. Или онъ у меня и безъ того ужъ разстегнуть. Знаешь, почему онъ у меня разстегнуть? Догадываешься? Я, вѣдь, меньшенькую мою, послѣдышка моего, грудью потихоньку кормила! Я ее до двухъ лѣтъ рѣшила кормить! Только, вѣдь, и побалывать дѣтушекъ, пока они въ младенчикахъ... Да что ты отъ меня пятишься, Ташенька? Чего ты боишься меня? Ташенька, а Ташенька?

Таша пятилась отъ Анны Павловны, какъ-то осѣдая назадъ, ши-

роко раскрывая глаза. А та все говорила ей растроганнымъ, ласковымъ и пѣручимъ голосомъ:

— Ты знаешь, сколько у меня всѣхъ дѣтокъ было, Ташенька? Десять человекъ! Какъ же, какъ же! Толя, Сонечка, Витя, Валерій, Ваня, Боренька, Игорь, Машенька, Нюша, Наденька. Слышала сколько!

Она усталилась въ глаза Таши и спросила:

— И ты знаешь, гдѣ они сейчасъ? Знаешь, Ташенька? Ея лицо сморщилось. Она испуганно оглянулась.

Огромный и бородатый въ халатѣ и въ туфляхъ на босую ногу, вошелъ Иванъ Алексѣичъ.

— Что съ барыней?—спросилъ онъ Ташу встревоженно.

— Милая барыня,—сказала та и навзрыдь заплакала, выскакивая вонь изъ комнаты.

— Ты что, Аннушка?—ласково спросилъ Иванъ Алексѣичъ жену.

Та глядѣла на него во всѣ глаза, напряженно думая о чемъ-то.

— Аннушка,—снова позвалъ онъ ее,—родная...

— Ваня,—проговорила та и умолкла. Какъ-то странно напрыжилось ея лицо и стало розовымъ. Но она все молчала, плотно сдвинувъ губы.

— Аннушка,—повторилъ Иванъ Алексѣичъ.

— Ваня,—сказала та,—прости меня...

— Да что съ тобой, Аннушка моя?—почти простоналъ Иванъ Алексѣичъ, опускаясь передъ женой на колѣни, заглядывая въ ея глаза и чего-то пугаясь.

Та смотрѣла прямо въ глаза мужа, положивъ на его плечи руки.

— Ваня,—опять выговорила она.—Послѣ Сонечки я была тяжелой...

— Не говори ни слова! не говори ни слова!—попросилъ Иванъ Алексѣичъ, вдругъ смертельно пугаясь, ощущая на своемъ лицѣ ледяное дыханіе ужаса.—Аннушка, умоляю тебя!

— Ты хотѣлъ дѣтей обеспеченныхъ, ты хотѣлъ дѣтей обеспеченныхъ, а-а-а-а, нѣтъ, выслушай все до конца!—воскликнула Анна Павловна угрожающе.

— Аннушка,—опять простоналъ онъ, поднимая руки, точно защищая свою голову отъ удара.

Сухо и рѣзко свѣтились ея глаза, остановившіеся. упрямые и злые.

— Нѣтъ, слушай! злобно крикнула она.

Онъ уткнулся въ ея колѣни и вдругъ зарыдалъ старческими слабенькими рыданіями, сотрясаясь въ плечахъ.

— Послѣ Сонечки я семь разъ тяжелѣла, Ванюша, семь разъ... но ты хотѣлъ дѣтей обеспеченныхъ... И я думала: «Ваня правъ. Женщина не самка, а прежде всего предусмотрительная мать... прежде всего!». И докторъ Колобовъ сказалъ: «Женщина не только родильный аппаратъ, но и разсудительная мать, размышляющая о судьбѣ уже рожденныхъ»...

— Аннушка, Аннушка моя,—стоналъ Иванъ Алексѣичъ, сотрясаемый жиденькими рыданіями, цѣлуя колѣни жены, изнемогая отъ мученій.

— Прежде всего!—почти вскрикнула Анна Павловна.—И вотъ я и Колобовъ не дали родиться тому, что зрѣло уже во мнѣ, и что просилось войти въ жизнь. Я и Колобовъ! Я и Колобовъ! Я и Колобовъ! Да будемъ мы прокляты! Слышишь? да будемъ мы прокляты! И мы осудили ихъ на небытіе, ибо мать должна прежде всего заботиться о

рожденныхъ уже, о ихъ будущемъ благополучіи, но тѣ умерли всѣ, и вотъ въ сердцѣ матери выросъ ужасъ. И она полюбила тѣхъ, бѣдненькихъ, отверженныхъ ранѣ рожденія, болѣе тѣхъ, о которыхъ она такъ заботилась.

— Аннушка,—умолялъ Иванъ Алексѣичъ,—Аннушка...

— Ты понимаешь меня, Ваня, бѣдненькій мой, я полюбила тѣхъ, отверженныхъ, болѣе тѣхъ, которыхъ баловала...

Анна Павловна заколебалась, пытаясь приподняться съ кресла, хватаясь за высокія ручки его. Иванъ Алексѣичъ обнялъ ее за талию, заглядывая въ ея глаза, нашептывая ласковыя слова, обливаясь слезами. А Анна Павловна вскрикивала:

— Колобовъ все оправдывался: «Нѣкоторый процентъ умираетъ и нѣкоторый остается въ живыхъ. Но заранѣе указать пальцемъ на живыхъ и мертвыхъ намъ не дано!». А тогда какъ онъ смѣлъ, указывая на мертвыхъ, предрѣшить: «Это живые! заботься прежде всего о нихъ, мать!». Какъ онъ смѣлъ! И вотъ что вышло еще, Ваня... Когда Толя убилъ себя, я очень хотѣла затяжелѣть, но уже не могла, не могла, ибо Богъ проклялъ меня, какъ смоковницу, отчазавшуюся отъ своего святого предопредѣленія! Святого, Ваня! Святого, святого!

Анна Павловна схватилась за грудь и застонала. Иванъ Алексѣичъ припалъ къ ней.

— Что такое здѣсь произошло?—спросила Варвара Павловна, появляясь на порогѣ вмѣстѣ съ Ташей и старой кормилицей, высоко надъ головою приподнимая свѣчу.

Тряся головою изъ стороны въ сторону, Иванъ Алексѣичъ проstonаль:

— Пошлите скорѣе за докторомъ. Съ Аннушкой обморокъ! И посмотрите, какое у нея лицо? Почему у нея такое лицо?

Онъ тяжело расплакался, и странно моталась изъ стороны въ сторону его голова. Агаша и Таша плакали. Варвара Павловна, цѣпенѣя, разсматривала лицо сестры.

А.л. Будищевъ.

* * *

Каждую секунду жизнь—на шагъ впередъ.
Въ каждую секунду кто-нибудь умереть,
Новый путь пробьется, вспыхнувъ на землѣ,
Пройденный—угаснетъ въ вѣковѣчной мглѣ.

Каждая секунда вышнихъ тайнъ полна:
Роковыя встрѣчи бытія и сна...
Страшно!.. Затерялись—я и ты, и всѣ
Въ этомъ неизмѣнномъ, общемъ колесѣ...

А. Мейснеръ.

Точильщикъ.

Разсказъ С. Гусева-Оренбургскаго.

— То-чить ножи, но-о-жницы!

Звонкій дѣтскій голосокъ звенѣлъ въ утреннемъ воздухѣ, словно подпѣвая басовитымъ колокольнымъ звонамъ церкви, призывавшихъ къ утрени.

— Бри-и-твы править!

Мальчикъ, совсѣмъ тщедушный, съ трудомъ тащилъ на себѣ тяжелый станокъ. Поднимая миловидное личико, высматривалъ онъ бойкими глазками верхніе этажи домовъ: не позоветъ-ли кто изъ темныхъ оконъ?

Колокола гудѣли:

«Днѣ-длинъ-длонъ...»

А онъ звонко подпѣвалъ имъ;

— То-чи-и-ить!

Чья-то грозная рука отдернула въ нижнемъ этажѣ оконную занавѣску, и въ окнѣ показалась заспанная физиономія, показывая кулакъ, способный сокрушить вола.

— Я тебѣ дамъ бритвы, мер-р-завецъ!—завѣла физиономія,—покою не дають... пшшоль отсюда!

Членъ общества защиты дѣтей, степенно проходя къ обѣднѣ, остановился на перекресткѣ, снялъ котелокъ и, отирая платкомъ вспотѣвшій лобъ, наблюдалъ за мальчикомъ.

Прислушивался къ его звонкому голосу.

— Но-о-жички точить...

Членъ общества защиты дѣтей подумалъ и сказалъ:

— Эй, мальчикъ!

Тотъ, задыхаясь, поспѣшилъ къ нему.

— Точить прикажете?

— Вижу, вижу, что еле тащишь тягу такую. Вотъ и думаю: надо заработокъ дать. Поточи-ка перочинный ножичекъ.

Завизжалъ, засвистѣлъ станокъ, высыпая искры.

Членъ общества защиты дѣтей наблюдалъ за этими блестящими искрами и спрашивалъ отъ нечего дѣлать:

— А сколько тебѣ лѣтъ, мальчикъ?

— Десять, дяденька.

— Деревенскій?

— Изъ Мухровки, деревенскій. Второй годъ здѣсь у хозяина живу. Неурожай, вишь, у тятки-то, подъ-рядъ два года, да и скотина

пала. Тятка-то и поѣхалъ въ Сибирь, новыя мѣста присматривать. А меня хозяину отдалъ, сначала на выучку, потомъ и за деньги.

Членъ общества защиты дѣтей благочестиво вздохнулъ.

— Боже, какъ несповѣдимы пути твои!

И дѣловито спросилъ:

— А за дорого отдалъ?

— Тридцать рублей въ годъ, и харчи хозяйскіе.

«Ж-ж-ж-ж»,—визжало колесо.

Маленькія искорки вылетали изъ-подъ лезвья ножичка и тотчасъ гасли.

— Ну, а какъ,—спрашивалъ членъ общества защиты дѣтей, наблюдая за искорками, — хозяинъ съ тобой хорошо обращается? Живется тебѣ ничего? Не бьетъ тебя?

Колесо перестало визжать.

Блѣдное личико поднялось къ спрашивающему и на сѣрыхъ глазкахъ забродили слезы.

— Не бьетъ?—переспросилъ онъ.

И улыбнулся жалкой улыбкой.

— Какъ не бить... еще какъ бьетъ-то! Онъ умѣетъ! Насъ, мальчиковъ-то, у него иной разъ до десятка бываетъ, такъ ужъ онъ руку себѣ намялъ: такъ бьетъ, что безъ памяти другой разъ валяешься, а слѣдовъ нѣтъ. Онъ иску-у-сный!

— За что-же?—возмутился членъ общества защиты дѣтей.

«Ж-ж-ж-ж-ж»...

Опять завизжало, засвистѣло колесо и полетѣли маленькія искорки.

— За то, что мало приносишь... вѣдь, оно, конечно, день на день не приходится,—разсуждалъ маленькій мальчикъ, какъ большой,—одинъ день рубль, два... даже три заработаешь, а въ другой разъ и ничего! Ну, въ тотъ день и голодный домой идешь, да знаешь, что и трепка будетъ...

Колесо рѣзко остановилось.

Мальчикъ вскричалъ, съ дрожащими губами:

— Просто хотъ топись другой разъ... такъ тошно!

— Отчего же голодный, ты говоришь?

— Отчего!!

Лицо мальчика пылало гнѣвомъ.

— Оттого, что онъ выжига, старый чортъ... чтобы его матери на томъ свѣтѣ горячихъ углей не жалѣли!

— Однако, ты того...

Членъ общества защиты дѣтей погрозилъ пальцемъ

— Такому маленькому смиренію подобаешь!

— Да вѣрно-жь, дядинька... Вѣдь, мы цѣлые дни голодные шлеяемся. Поноси-ка на пустое-то брюхо этакую махину, вѣдь въ ней три пуда! Живемъ, какъ псы! Утромъ краюшка хлѣба да чашка квасу, вечеромъ тоже, а цѣлый день ничего! Ну, если день удачный... забѣжишь въ трактирчекъ, похлебаешь чего-нибудь горячаго на пяточокъ, на гривенничекъ. Да рѣдко это случается. И слѣдить онъ... оловянный глазъ! Можетъ, и сейчасъ гдѣ за угломъ стоитъ, наблюдаетъ. Такой анаѣма! Какой, вѣдь, разъ случай былъ со мной. Два дня не снѣдалъ, хожу—ноги подкашиваются. Смотрю, заработку рупь... дай, думаю, поѣмъ... не помирать-же! Захожу въ трактиришко, сажусь я такъ-то къ столу: дайте-ка щецъ, говорю. Подали щи... такой запахъ вкусный! Да не

успѣлъ я ложку взять,—шастъ хозяинъ въ трактиръ. Звѣремъ смотреть, претъ на меня. Хрипомъ хрипить.—«Такъ ты такъ-то?» Какъ ухватить меня за волосья...—«Такъ ты этакъ-то?» Ка-акъ дастъ мнѣ наотмашъ изо всей силы... самъ приговариваетъ:—«вкусны щи? Вкусны щи на хозяйскіи деньги?..» Въ трактирѣ все возчики да грузовщики сидѣли. Какъ поднялся весь трактиръ, да на него.—«Какъ ты смѣешь мальченку бить!» Съ кулаками наступаютъ. Отпустилъ онъ меня. Какъ я выбрался изъ трактира, какъ домой добѣгъ, ничего не помню... запрятался, забился куда-то, во дворѣ, въ уголь, за доски... лежу, дрожу. Такъ, вѣдь, што ты думаешь? Нашель-таки онъ меня...

— Точи, точи!—напомнилъ членъ общества защиты дѣтей,—я, вѣдь, къ обѣднѣ тороплюсь.

Еще пуще завизжало колесо.

Какъ будто съ гнѣвомъ и ожесточеніемъ вертѣлось оно, извлекая искры изъ стали.

— Жизнь каторжная!—вдохнулъ, какъ большой, маленькій десятилѣтній ребенокъ,—даже ночуемъ-то какъ псы—въ конурѣ: зимой и лѣтомъ въ сараѣ! Эх...

Мальчикъ блѣдно усмѣхнулся.

— Ни отъ кого намъ защиты нѣтъ!

Членъ общества защиты дѣтей горестно покачалъ головой и промолвилъ со вздохомъ:

— Бѣдныя дѣти!

Колесо перестало визжать.

— Готово!—сказалъ мальчикъ.

И подаль ножичекъ.

— Сколько?

— Десять копеекъ.

Членъ общества защиты дѣтей широко раскрылъ глаза.

— Де-е-сять копе-екъ?!

— Десять, баринъ.

— Да ты, братецъ, въ умѣ... а? Да я всегда пятакъ плачу! Всегда пятакъ... всегда! На вотъ, на пятакъ. На! А больше не жди... Десять копеекъ! А? За ножичекъ! Да ты, братецъ, совсѣмъ... не въ умѣ ты!

Членъ общества защиты дѣтей даже вновь снялъ котелокъ и отеръ лобъ, вспотѣвшій отъ волненія.

— Де-е-сять копе-екъ!—повторялъ онъ, сгѣша къ обѣднѣ,—а?

Виданная-ли цѣна? Всегда пятакъ! Вотъ...

Онъ негодуяще качалъ головой.

— Вотъ ихъ жалѣешь, а они...

Звонкій голосокъ уже звучалъ издалека.

— То-о-читъ ножи, но-о-жницы!

И какъ-будто желая перекричать все еще гудѣвшіе по колокольнямъ басовитые колокола, онъ заканчивалъ тонкой ноткой совсѣмъ ребячьего голоса:

— Бри-и-и-и-твы править...

С. Гусевъ-Оренбургскій.

Черная стая.

Очеркъ Вл. Новоселова.

Она дѣйствуетъ. Не только дѣйствуетъ, но и празднуетъ побѣду. Черный блокъ одолѣлъ прогрессивный. Меньшинство одолѣло большинство. Дума распущена. Это все, что пока требуется.

На расчищенномъ полѣ «черный блокъ» выступаетъ со своей декларацией. Исторія знаетъ великую декларацию правъ. Теперь она узнала декларацию великаго безправья. Черный блокъ побѣдно заявилъ о своемъ существованіи, Подполье смѣнилъ на гласность. Показательно это выступленіе уже тѣмъ, что оно послѣдовало послѣ того, какъ Дума распущена... Черный блокъ, существованіе котораго отрицалось еще недавно въ правыхъ думскихъ и совѣтскихъ кругахъ, выбралъ такой моментъ, чтобы раскрыть скованныя уста, когда онъ не сможетъ встрѣтить отпора съ трибуны народнаго представительства, когда въ молчаливомъ спокойствіи Дума встрѣтила извѣстіе о неожиданномъ, для нея и для страны, перерывѣ занятій. Черная стая дѣйствуетъ изъ-за угла. Съ ея «навыками» Россія давно знакома. Ея «руководительство» ознаменовало цѣлую эпоху самой мрачной беззастѣнчивой реакціи. Эпоху, когда министры открыто объявляли себя «союзниками», открыто распылялись общественныя силы; изъ губерній удалялись «опасные элементы» въ видѣ наиболѣе энергичныхъ общественныхъ дѣятелей, не утверждались избранники земствъ и городовъ и даже Москвѣ грозили, вмѣсто неугодныхъ правительству избранниковъ, назначить ея первымъ гражданиномъ чиновника изъ Петрограда. «Русской великодержавной политикой» открыто исповѣдывалось заушеніе вольнодумныхъ поляковъ, крамольныхъ латышей и эстовъ, предателей евреевъ, бунтовщиковъ финновъ, сепаратистовъ армянъ и «мазепинцевъ» украинцевъ. «Ежевыя рукавицы» признавались единственной панацеей отъ всѣхъ бѣдъ, грозящихъ «союзнической Россіи», культу ея традицій и обрядовыхъ формъ. Защита ихъ именовалась «внутренними дѣлами» при Черниговскомъ губернаторѣ, ставшемъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, г. Маклаковѣ. Господинъ Щегловитовъ тогда же стоялъ на стражѣ русской юстиціи, оборонявшей тѣ же позиціи. Владимиръ Карловичъ Саблеръ пекся о «духовныхъ дѣлахъ». Полное ретивой отвъ ги, министерство просвѣщенія, предводимое русскимъ бессарабцемъ Кассо, дѣлало героическія усилія смести и не оставить слѣдовъ отъ творческихъ работъ русской земщины, разрушая плоды многолѣтней, любовной работы земскихъ дѣятелей на пользу просвѣщенія Россіи. Чеховскіе герои—педагоги футлярнаго типа—были вызваны пріять бразды правленія въ среднихъ школахъ, а—цитадели оппозиціи—университеты громилась по всѣмъ правиламъ осадной тактики. Такъ великій Кассо,—въ союзѣ съ не менѣе великими Маклаковыми, Щегловитовыми, Сухомлиновыми, Саблерами—историческими дѣятелями эпохи послѣдняго усыпленія Россіи,—вели ее на путь побѣдъ. Шпіоны и измѣнники Мясоѣдовы, Гротгусы и прочая нечисть, подъ покровомъ тайны таинственныхъ учреждений, основанныхъ «ради пользы государственной», обдѣлывали свои таинственныя дѣла. Шпіоны и измѣнники, не только шли подъ флагомъ этихъ учреждений, но и выступали на ихъ чель, какъ достойнѣйшіе изъ достойнѣйшихъ сыщиковъ и заплечныхъ дѣлъ мастеровъ.

Самое существованіе народнаго представительства, ограниченнаго узкими рамками стольшинскаго закона, всегда вызывало дикую свистопляску реакціонныхъ круговъ. Министры, являвшіеся въ Государственную Думу въ качествѣ «начальства», отличавшіеся умышленнымъ пренебреженіемъ къ народному представительству и вовсе не являвшіеся въ засѣданія Думы, пользовались поддержкой и уваженіемъ союзнической печати, среди которой «Земщина», отрицающая земщину, и «Русское Знамя», преклоненно развѣвающееся предъ Пруссіей, съ его прусскими идеалами.

Все это пережила Россія.

За это время научилась она многому, прозрѣла и освѣтлѣла разумомъ и духомъ. «Нѣмецъ» раскрылъ глаза на многое многимъ. Не научилъ онъ только ничему, не прибавилъ ума-разума, не раскрылъ глазъ и сердецъ лишь тѣмъ, которые никогда ничему не научатся, никогда не откроютъ слѣпыхъ глазъ, чьи сердца навсегда окаменѣли. Для нихъ изъ всѣхъ вопросовъ жизни одинъ лишь великій: собственно-шкурный вопросъ. Имъ *выгоденъ* застой и неподвижность Россіи. Имъ *выгоденъ*. Этимъ все сказано; отсюда всѣ пути. Они восприняли, восавъ съ молокомъ матери, циничный девизъ: «было-бы намъ хорошо, а послѣ насъ пусть погибнетъ хотя-бы весь міръ». Весь міръ—ничто. Часть его, Россія,—ничто. Все пустяки и трывътрава. Вотъ шкурные интересы—другое дѣло. Не черная стая, а ея, старающіеся

остаться въ безвѣстности, руководители далеко не пустоголовые люди. Они съ хитрецей и себѣ на умѣ. Они знаютъ, что грядущее имъ несетъ, на какое ничтожество ихъ обрекаетъ. Въ большинствѣ они «бывшіе люди», познавшіе силу и сладость безконтрольной власти. Они вѣрятъ, что ихъ пѣсня еще не спѣта, что изъ бывшихъ они снова станутъ «дѣлателями» настоящаго.

При старомъ строѣ это возможно. При новомъ—полный провалъ неизбѣженъ. Что же удивительнаго, если они всемѣрно цѣпляются за обломки стараго. Отчаянье придаетъ храбрость даже трусамъ. Зарвавшійся игрокъ ставитъ на послѣднюю карту все послѣднее свое достояніе. Какъ скудно оно, какъ убого въ смыслѣ мысли и идей, доказываетъ торжественная декларация чернаго блока. Побѣдители, празднующіе побѣду, не вносятъ ни одной творческой черты. Они попросту съ своей общеизвѣстной, реакціонной точки зрѣнія подвергаютъ разному прогрессивнаго блока. Старая истина: критика легка, искусство трудно. Она и оправдалась на выступленіи чернаго блока. Онъ топчется на одномъ и томъ же мѣстѣ, подобно кликушѣ, выкрикивая: «чуръ, наше мѣсто свято!». Черный блокъ огнеопально встаетъ на защиту основныхъ законовъ Россіи, якобы попираемыхъ прогрессивными элементами. Крѣпостное право когда-то тоже входило въ основу законовъ Россійской Имперіи. Несмотря на ярую защиту крѣпостниковъ, верховная власть отмѣтила его. Извѣстныя пожеланія, высказанныя Москвой и поддержанныя всей Россіей, вошли въ основу программы прогрессивнаго блока, поэтому совершенно напрасно «глубокое убѣжденіе праваго единенія», искажающее смыслъ пожеланій всей Россіи, будто-бы стремящейся умалить права верховной власти. Не объ умаленіи правъ идетъ рѣчь—это прекрасно сознаетъ «черный блокъ», драпирующійся въ тогу ея непрошеннаго защитника,—а объ отвѣтственности безотвѣстныхъ агентовъ власти. Въ этомъ есть, кажется, разница. Черный блокъ умышленно ее затемняетъ. Излишне повторять также и другое, тоже «глубокое убѣжденіе праваго единенія»: о необходимости непрестанно стремиться къ одолженію врага. Это уже раньше, не словомъ, а дѣломъ, выразила вся Россія, приступивъ къ мобилизаціи всѣхъ живыхъ силъ. Въ этомъ смыслѣ Дума сдѣлала огромное дѣло, большее, чѣмъ можно было даже ожидать отъ нея при ея составѣ. Она совершила то, что безсильно было до нея и безъ нея сдѣлать правительство и его союзники,—рыцари «праваго единенія». По инициативѣ и подъ прямымъ воздѣйствіемъ Думы, приняты были и проведены въ жизнь всѣ мѣры для усиленія снабженія армии. Представители прогрессивнаго блока заявили себя, какъ активные работники въ этой области. Правыхъ здѣсь мы не видѣли; имена ихъ отсутствовали, тѣмъ не менѣе, черный блокъ низводитъ къ нулю всю думскую работу и бросаетъ обвиненіе, что Дума нарушила главное: принципъ единенія. Нарушила именно тогда, когда заговорила языкомъ, понятнымъ всей Россіи, когда, забывъ партійные раздоры и споры, она пожелала сплотиться и создать думское большинство, необходимое для плодотворной работы парламента. На языкѣ правыхъ образованіе этого думскаго большинства и есть—поселеніе розни. Новообразованная впервые сила большинства въ Думѣ толкуется ея правыми, какъ прегрѣшеніе, которое и привело ее къ роспуску. Но пышная декларация ихъ такъ и не отвѣчаетъ на главный, коренной вопросъ момента, на тотъ вопросъ, который въ первомъ же собраніи задала правительству Государственная Дума: какъ думаетъ оно организовать побѣду? Правое единеніе людей приказа молчаливо обходитъ этотъ главный вопросъ, ибо лишнее творческихъ силъ и способностей, оно не можетъ на него отвѣтить не только дѣломъ, но даже и словомъ. Оно умѣетъ приказывать, но только одинъ Господь Богъ изъ ничего создалъ все.

Не даромъ же черный блокъ, еще не выйдя изъ купели, изъ рукъ повитухи, уже рождаетъ расколъ даже среди недавнихъ единомышленниковъ. Самое рожденіе его въ великую историческую годину знаменательно. Оно доказываетъ, что темныя силы не дремлютъ, что темные, тайные ходы будутъ еще ими пущены, что считаться съ ними еще придется. Запугать кого-либо они безсильны, повернуть вспять теченіе жизни не могутъ, но они не спроста ведутъ демонстрацію своей черной рати: быть можетъ, кого-нибудь запугаютъ, быть можетъ, хотя на время подложатъ палки въ колеса своимъ мнимо-патріотическимъ усердіемъ. Въдь, когда-то его чтили. И нѣтъ горше воспоминанія объ этомъ «когда-то» для бывшихъ людей, сановниковъ не у дѣлъ, вельможъ безъ власти. Они скорѣе примирятся со всѣмъ, чѣмъ съ мыслью, что ихъ пѣсня спѣта, что Россія не хочетъ знать ихъ историческихъ именъ и подвиговъ, воскрешенія ихъ недоброй памяти.

Событія не ждутъ и опредѣляютъ линію дѣйствія.

Они не считаютъ съ тѣмъ, на какой точкѣ зрѣнія стоятъ «спасители отечества», какую позицію занимаетъ «черный блокъ». Такъ жалокъ, мизеренъ онъ,—едва видная точка, въ бушующемъ океанѣ выступившей изъ береговъ жизни на старомъ дырявомъ челнокѣ далеко не уѣдешь.

Вл. Новоселовъ.

Цвѣты російскихъ полей.

Статья Н. Дмитриева.

Забвенной памяти дѣйствительный статскій совѣтникъ и російскихъ орденовъ кавалеръ, членъ цензурнаго застѣнка, Красовскій, въ незабвенныя павловскія времена снискалъ титулъ «патріота» и превосходительства тѣмъ, что истреблялъ «вольный духъ» даже изъ поваренныхъ книгъ.

Въ наши дни, другой дѣйствительный статскій совѣтникъ, кievскій цензоръ, Никольскій, упоенный произволомъ, который ему предоставляла власть «военнаго цензора», занимался тѣмъ, что одобрялъ и запрещалъ къ печати матеріаль, уже прошедшій цензуру штаба Верховнаго Главнокомандующаго и такихъ официальныхъ изданій, какъ «Русскій Инвалидъ» и «Правительственный Вѣстникъ». Кievскій цензоръ работалъ, не покладая рукъ, въ патріотическомъ усердіи увѣренный, что и надъ цензурой должна быть еще цензура. Кievскій цензоръ безспорно занимался «толченіемъ воды въ ступѣ» за казенный счетъ. Но такимъ именно бесплоднымъ занятіемъ занимался не онъ одинъ, обнаруживая бдительность и ревность службъ двадцатаго числа. Недаромъ же въ думской комиссіи о печати не раздалось ни одного протестующаго голоса, когда устами одного изъ членовъ ея было заявлено, что въ обновленный комитетъ военной цензуры нельзя пускать даже на разстояніе пушечнаго выстрѣла представителей нашего цензурнаго вѣдомства.

«Дѣло» депутата и журналиста А. М. Александрова только одинъ изъ тысячи «куръезовъ» попечительныхъ заботъ о свободной печати этого вѣдомства. Началось это дѣло въ синей обложкѣ послѣ выхода въ декабрѣ 1913 года номера харьковской газеты «Утро» со статьей А. М. Александрова: «Константинополь въ нѣмецкихъ рукахъ». Въ этой «преступной» статьѣ авторъ писалъ: «Итакъ, нѣмцы въ Константинополѣ. Если тамъ еще не развѣвается германскій флагъ, то это дѣлается изъ простаго приличія. Фонъ-Сандерсъ во главѣ турецкаго военнаго управления. Это почти равносильно тому, что онъ во главѣ всего правленія Турціей. Отнынѣ Россія будетъ имѣть дѣло не съ развалившимся государствомъ, а съ бронированнымъ нѣмецкимъ кулакомъ. То, что случилось на Ближнемъ Востокѣ, гораздо ужаснѣе того, что случилось 8 лѣтъ назадъ на Востокѣ Дальнемъ. На Черномъ морѣ, на этомъ единственномъ незамерзающемъ русскомъ морѣ, мы будемъ существовать милостью Германіи, ибо Черное море безъ проливовъ не имѣетъ никакого значенія. Пролиты эти—двери въ Россію и ключъ къ Россіи. Это—органы ея дыханія... Историческое будущее Россіи поставлено уже на карту».

Цензурное вѣдомство всполошилось. Редакторъ «Утра» и его сотрудникъ были преданы суду. Прокуроръ поддерживалъ обвиненіе въ помѣщеніи редакціи «завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности правительства», каковыя возбуждаютъ въ населеніи враждебное отношеніе къ правительству и вызываютъ общественную тревогу. По ироніи судьбы, дѣло назначено было къ слушанью тогда, когда «завѣдомо ложныя свѣдѣнія» оказались фактами чистѣйшей воды, а война съ Германіей вызвала не общественную тревогу, а подъемъ силъ всей страны. Суду, при такихъ условіяхъ, оставалось одно: вынести оправдательный приговоръ обвиняемымъ, попавшимъ на скамью подсудимыхъ, въ силу усердія цензурнаго вѣдомства въ отстаиваньи *сегодняшней* правды, обыкновенно на завтра дѣлающейся синонимомъ лжи.

Такой именно «правдой», выдаваемой за безапелляціонную истину, еще вчера считалось положеніе, что народъ и страна нуждаются только въ опекѣ сильной власти. Война, въ полномъ смыслѣ ставшая народной войной, приобщившая безъ изъятія всѣ классы и круги общества, мыслилась все еще какъ война только правительствъ. То была пора полной, непоколебимой увѣренности въ своихъ силахъ правительства, отгородившагося стѣной отъ общества и народа. Государственная Дума была распущена, общественныя силы распылены, и въ самый канунъ великихъ событій, когда страна ждала созыва народныхъ представителей для активнаго выступленія, когда вѣра въ спасительный режимъ «сильной власти», разъединенной съ народомъ и обществомъ, была окончательно потеряна, когда дни стараго курса были сочтены и событія повелительно диктовали неизбѣжность выхода въ отставку непримиримыхъ враговъ народнаго представительства, бывший министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярно извѣщалъ губернаторовъ о томъ, что политика прежняго курса неуклонно продолжается. Органамъ печати циркулярно запрещалось даже печатать что-либо о созывѣ Государственной Думы и перемѣщеніяхъ въ составѣ правительства.

Начался «новый курс», но, тѣмъ не менѣе, наша бюрократія не только свѣтская, но и духовная продолжаетъ прежній будирующій тонъ по отношенію къ Государственной Думѣ. Если хабаровскій губернаторъ только не допускаетъ привѣтственной телеграммы отъ мѣстнаго городского управления, то тобольскій епископъ Варнава выступаетъ активно. Полуграмотный монахъ, клеветъ Распутина, поставленный въ обходъ закона и разума Саблеромъ во епископы, съ церковнаго амвона поноситъ неприличными словами высокое законодательное собраніе и его членовъ. Другой князь церкви, ученѣйшій архіепископъ Сергій тверской, во храмъ молитвы, въ дни покаянія, вноситъ черносотенное политиканство. «Какая-то Дума, — заявилъ архіепископъ Сергій предъ толпой молящихся, — какіе-то сѣзды и совѣщанія вмѣстѣ съ крамольной, измѣннической печатью домогаются переустройства нашего государства. Дерзаютъ выносить какія-то резолюціи съ требованіемъ отвѣтственнаго министерства, о призывѣ къ власти пользующихся довѣріемъ общественныхъ дѣятелей. Знайте, что этого никогда не будетъ. Мы, пастыри церкви, выйдемъ на борьбу съ этой измѣной старому строю и въ этой борьбѣ не убоимся даже мученичества».

Авторитетный голосъ архіепископа Сергія въ духовныхъ дѣлахъ звучитъ плохой демагогіей, знакомыми призывами нашего черносотенства. О томъ, что еще оно «покажетъ» себя, никто не сомнѣвается. Былые лавры ему не даютъ спокойно спать, ибо какая-то Дума—есть Государственная Дума и она заставила обратить на себя взоры населенія Россіи; въ ея творческой работѣ это населеніе черпаетъ увѣренность въ одолѣніи врага. «Какіе-то сѣзды и совѣщанія» признаны высшей властью вѣрными путями для организациі побѣды. «Крамольная измѣнническая печать» въ эти дни испытаній обнаружила глубокую любовь къ Россіи и ея народу. Слѣпые приверженцы старины, чей часъ давно пробилъ, могутъ увѣренно говорить о томъ, что новаго никогда не будетъ. Да, его не будетъ, потому что оно уже есть. Каждый новый день есть новъ по сравненію съ прожитымъ днемъ. Время не идетъ, а летитъ на крыльяхъ. Цѣлая пропасть между тѣмъ, что было годъ назадъ и что есть теперь. Назадъ Россію повернуть такъ же невозможно, какъ отжившему старцу начать жизнь сызнова. Другое дѣло—попытка поворота вспячь. Мы ихъ видимъ на каждомъ шагу и увидимъ еще много, ибо рутинна, какъ ржа желѣзо, заѣдаетъ людей. Въ самые дни торжественной деклараціи единенія правительственныхъ и общественныхъ силъ, не одинъ только екатеринославскій губернаторъ оказался на высотѣ старыхъ традицій. Онъ прикрылъ «крамольную» газету только за то, что редація ея доказываетъ необходимость организовать силы страны для защиты Россіи. По губернаторской терминологіи—«защищать Россію—дѣло правительства», всякая другая защита суть «крамола».

Въ Екатеринославѣ тотъ же губернаторъ могъ закрыть за *ненужностью* городской военно-промышленный комитетъ. Красноярскій полиціймейстеръ также «смогъ» и *запретилъ* мѣстнымъ газетамъ напечатать объявленіе о созывѣ второго собранія военно-промышленнаго комитета для выбора президіума».

Подобныхъ цвѣтовъ съ полей, утучненныхъ заботами російской бюрократіи, можно ежедневно набрать цѣлыя кошницы. Тутъ и тамъ наблюдается полное единство мысли и направленій, ибо такъ уже изстари повелось и на это взята привилегія старымъ курсомъ, что нерѣдко въ прямой обходъ закона министры издавали свои циркуляры, администрація приводила ихъ въ исполненіе, не справляясь съ закономъ. Министры предписывали губернаторамъ, губернаторы предписывали исправникамъ, исправники—становымъ, становые—урядникамъ, а обывателю оставалось покорно исполнять волю начальства. А такъ какъ Россія велика и обильна и начальства въ ней многое-множество, то создалось такое положеніе, что въ одномъ монастырѣ дѣйствуютъ разные уставы. За то, за что въ Петроградѣ по головамъ глядятъ, въ какомъ-нибудь Красноярскѣ за чубъ дерутъ и въ кутузку сажаютъ. Изъ Петрограда идетъ кличъ къ объединенію и мобилизаціи живыхъ силъ, а въ Твери предають анаемѣ «какіе-то сѣзды», какія-то совѣщанія. Наивно желаютъ, чтобы все было такъ, какъ было, какъ будто ничего не случилось: солнце свѣтитъ, и птицы мирно щебечутъ и сномъ праведнымъ мирно все почи-ваетъ кругомъ.

Когда родной домъ объятъ пламенемъ и зарево обложило поль-неба, когда гулко звучитъ набатный колоколь, возвѣщая о грозной напасти—спитъ только тотъ, кто уже обрученъ со смертію. Россія не обручалась съ нею. Она все ждетъ своего жениха. Онъ грядетъ изъ полночи, и несетъ ей жизнь и свѣтъ, свободу и право.

Н. Дмитріевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ девятнадцатый.

	Стр.
Въ лѣсу. Стихотвореніе Филарета Чернова	619
Барабанщикъ. Стихотвореніе Ив. Мукосѣева	621
Находка. Разказъ В. В. Муйжеля	622
Въ лѣтнюю ночь. Стихотвореніе З. Бухаровой	630
Анна Павловна. Разказъ А. Н. Будищева	631
Каждую секунду... Стихотвореніе А. Мейснера	642
Точильщикъ. Разказъ С. И. Гусева-Оренбургскаго	643
Черная стая. Очеркъ Вл. Новоселова	646
Цвѣты россійскихъ полей. Статья Н. Дмитриева	648

КАРТИНЫ: 1) Лѣсная рѣка. Картина въ краскахъ Макса Фрица. 2) Потерянное счастье. Автотипія съ картины Т. Маттео.

КЪ СВѢДѢНІЮ Г.Г. ПОДПИСЧИКОВЪ.

Съ 15-го Августа текущаго года контора и редакція журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“ переведены въ **собственный домъ:** Петроградъ, Суворовскій проспектъ, 41, противъ Императорской Военной Академіи.

Редакторъ-издатель Н. В. Корецкій.

226191/881

1915 г. Продолжается подписка на 1915 г. 10-й годъ
на двухнедѣльный, изданія

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ
съ картинами въ краскахъ

ПРОБУЖДЕНІЕ

Гг. подписчики получатъ въ теченіе 1915 года:

24 РОСКОШНЫХЪ ВЫПУСКА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАГО И НАУЧНАГО ЖУРНАЛА „ПРОБУЖДЕНІЕ“.

50 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ КАРТИНЪ: въ краскахъ, на паспарту, фототипіи, портреты и друг.

12 КНИГЪ, ВЪ 3-ХЪ ПЕРЕПЛЕТАХЪ СЪ ЗОЛОТЫМЪ ТИСНЕНІЕМЪ, ЮБИЛЕЙНАГО ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ (по случаю 50-лѣтія со дня смерти): **М. И. МИХАЙЛОВА.**
Книги романовъ, рассказовъ, стихотвореній и друг.

ДВА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ УКРАШЕНІЯ ГОСТИНОЙ:
1. **АТЛАСНЫЙ ГОБЕЛЕНЪ** въ стилъ Людовика XVI-го. Картина на атласѣ Буше.
2. **ПОСЛѢ ТАНЦА.** Изящный стѣнной горельефъ художника Годварда.

Два украшенія столовой комнаты:
ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ „Дикія утки“. | **ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ „Морскіе окуни“.**
Художник: Ел. Магюръ и Ф. Эрая. Красивая имитация рельефныхъ бронзов. фигуръ.

ИЗЯЩНЫЯ УКРАШЕНІЯ КАБИНЕТА:
Дѣвушка съ голубями. | **Стильный японскій альбомъ**
ГЕЛЮГРАВЮРА СЪ КАРТИНЫ художника Ш. Шаплень. Размѣръ 47×68 сант. | съ картинами японскихъ художниковъ и рельефнымъ тисненіемъ золотыхъ украшеній.

Роскошная стѣнная картина въ краскахъ
знаменитаго итальян. худож. **СОЛНЦЕ ВЗОШЛО!** работы пост. Дв. Е. И. Велич. Герцони. Голикъ и Вильб.
Размѣръ 62×80 сант.

Въ ознаменованіе 10-лѣтія „Пробужденія“ будетъ выдана въ концѣ года
ЗНАМЕНИТАЯ АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА ВЪ КРАСКАХЪ
извѣстнаго художника **ПОДЪ ШОПОТЬ ГРЕЗЪ** Размѣръ картины 63×88 с.
Ф. Лефлера.

Подписная цѣна: на первое полугодіе 4 руб.; на второе полугодіе 5 руб.; на 3 мѣсяца 2 руб.; на три мѣсяца 2 р. 50 коп. На меньшіе сроки подписка не принимается. За границу 12 руб.

Редакція журн. „ПРОБУЖДЕНІЕ“, Петроградъ, Невскій, 114.
Редакторъ-Издатель Н. В. КОРЕЦКІЙ.

Цѣна отдѣльнаго № журнала 40 коп.